

— Мне казалось, я поставила в наших деловых отношениях точку, — сухо произнесла я, делая шаг назад.
— А я исправил ее на запятую, — серьезно прозвучало в ответ мне.

ЛЮБОВЬ
И
МАГИЯ

ИЛЛЮЗИЯ ГРЕХА

ДИАНА СОУЛ

Annotation

С самого детства я знала, что моя жизнь будет принадлежать этому месту — Кварталу наслаждений. Редко кому удается выбраться отсюда и получить свободу, но благодаря таланту у меня есть этот шанс.

Я — Торани Фелз, последняя из иллюзорных суккубов, элитная куртизанка, дочь греха и порока. Мой дар — создавать иллюзии, где исполняются самые яркие фантазии и мечты, любые чувственные удовольствия, о которых боятся подумать или признаться себе.

Но наутро моя магия рассеивается, оставляя после себя лишь легкий флер эйфории...

Диана Соул

Иллюзия греха

© Соул Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Я расправила юбки и изящно присела на край велюрового кресла. Два клиента, сидящих передо мной на ярко-красном диване из этого же гарнитура, плотоядно проследили за моими движениями.

Ох уж эти лорды. Сбежались посмотреть на изюминку. Что ж, их можно понять, скучные жены пуританских нравов местного общества могли убить либидо любого мужчины. Моя же работа и таланты позволяли почувствовать им себя хорошо. Очень хорошо.

— Сначала о цене. — Не смущаясь, я затянулась сигаретой в длинном мундштуке. — Вас двое, значит, и тариф двойной.

Лорды переглянулись и молча выложили на кофейный столик два тугих кошелька. В моих глазах промелькнул жадный огонек. Вечерок обещал быть очень жарким. Я потянулась к одному из мешочков, при этом отложив мундштук в сторону, развязала тонкие тесемки и ахнула, высыпав содержимое. Десятки камушков посыпались на гладкую поверхность столешницы. Алмазы.

Жадина внутри меня замурчала, предвкушая ценность наживы. Судя по цене камней, господа изволят сегодня ночью шалить.

Я вскинула глаза на того, что помоложе. Лет двадцать пять. Я бы назвала его неоперившимся юнцом из-за похабных тонких усиков над верхней губой, но вот в глазах плескалась недетская похоть, которая заставляла задуматься, что же почтенный лорд хочет со мной сделать этой ночью. Кажется, его фамилия Мартин и он часто мелькает в светской хронике.

Второй гость походил на сытого барина. В его мутных глазах я видела вселенскую скуку и вечную вседозволенность. С жиру беситься изволит. Такие ко мне заходили часто и всегда уходили довольными.

— Итак, чего желают господа? — откинувшись на кресло, произнесла я с томным придыханием. — Готова исполнить любую вашу фантазию.

В голос специально вложила всю возможную похоть и страсть. Такие, как они, любят подобные жеманные заигрывания.

— Нам сказали, вы умеете исполнять любые желания. И ночь с одной вами слаще десяти молоденьких жаждущих любви рабынь.

Я лукаво улыбнулась. Ох уж эти отзывы от старых клиентов. Однако стоило признать, недовольных у меня не было.

Щелчком пальцев я материализовала перед лордами два стандартных магических договора услуг. Те долго и внимательно вчитывались в их строки, но вскоре подписали.

— И какие же желания у вас, лорд Мартин? — Я игриво погладила ногой под столом младшего лорда. Атласный носочек туфельки мягко коснулся плотной штанины и заставил усатенького облизнуть губы.

На моем лице мелькнула лукавая улыбка. Интересно, какие мысли и позы он сейчас представляет. В любом случае, сейчас мне их озвучат.

Но заговорил старший.

— Так случилось, что мы сами не знаем. — Его голос немного охрип. — Мой юный друг желает испытать ваш талант, а я же... Я перепробовал в своей жизни все. В моей постели побывали молодые и постарше, грудастые и не очень. Даже несколько рабынь за раз при моих деньгах не проблема. Меня обслуживают в любых домах Прайма. Для них честь доставить удовольствие сэру Карлосу. Но слухи о вас меня заинтриговали. Чем докажете свое мастерство?

Я немного склонила голову набок и заправила локон волос за ухо, обнажая тонкую шею. Провела длинными пальцами по пульсирующей венке вниз, спустилась к ключицам и остановилась в ложбинке у груди. Лорды следили за моими движениями внимательно, но по-прежнему скучающе. Даже когда я потянула за один из множества шнурков на платье, они остались равнодушны, но я на многое и не рассчитывала. Вряд ли их смог бы удивить столь простенький стриптиз.

Пришлось встать с кресла и сделать шаг к младшему. Тот незамедлительно протянул руки ко мне. Его ладонь легла мне на ягодицы, больно притянув к себе, вторая же схватилась за грудь.

Задирать юбки на мне он не спешил, зато старший заинтересованно поднялся с дивана и встал мне за спину. Сэр Карлос потянулся к завязкам корсета, его рука скользнула по моей спине, грубо разрывая материю платья. Задаваться вопросом, почему бы не снять с меня одежду классическим способом, я не стала. Тем более что старший все же задрал юбки и теперь, наклонив меня лицом к младшему, пристраивался сзади.

На мгновение я остановила знатных господ, заглянув в глаза лорду Мартину.

— А что еще говорят слухи обо мне? — прошептала я.

В молодом подонке уже читалась жажда обладания мной, он отпустил мою грудь и занялся своими брюками. Ему не терпелось достать оттуда свой агрегат и ткнуть им мне в лицо.

— То, что вы штучный товар. — Его рука скользнула по собственному стволу, оттягивая нежную кожу с головки. — Прийти к вам можно лишь единожды, второй раз вы услуг не оказываете.

Я игриво сощурилась и коснулась пальцами его пухлых губ.

— Да, все верно. И вы оба согласны с этим условием?

Сэр Карлос прохрипел что-то невнятное и схватил меня за волосы, натягивая локоны к себе и заставляя выгнуться в спине. Им полностью овладела жажда ворваться в мое лоно, поэтому церемониться с ответами он уже не собирался:

— Мы тебе заплатили, блудница! Поэтому работай, дрянь. На эту ночь ты наша вещь и обязана выполнять все, что мы захотим с тобой сделать!

Младший нетерпеливо хохотнул и, привстав, попытался разжать мой рот, чтобы овладеть и им.

Вот только теперь настало мое время смеяться.

— Господа, вы, кажется, не до конца поняли условия нашего договора. Это не вы делаете со мной что хотите. А я выполняю все ваши самые потаенные желания.

В следующий миг, несмотря на все захваты, я выпрямилась в полный рост. Они сами дали мне эту власть над собой, когда подписали контракт. Мне в этом деле оставалась лишь самая гадкая часть сделки. Поцелуй.

Я притянула за подбородок вначале Карлоса, впилась губами в его рот, сминая и

властвуя, а затем то же самое повторила с младшим. Вкус мерзкого поцелуя вытерла тыльной стороной ладони, стирая алую помаду с лица.

Двое лордов, зачарованные моей магией, истуканами замерли посреди гостиной. Оба с приспущенными штанами и в полной готовности к соитию с прекрасной девой.

— А я вам скажу, почему вас не удовлетворяют женщины, господа. — Я немного отодвинула в сторону кофейный столик, расчищая пространство на полу для будущей ночи страсти. Покачала головой, глядя на новый, только вчера купленный ковер, им придется пожертвовать, и продолжила: — А все дело в том, лорд Мартин и сэр Карлос, что вы давно бы могли признаться сами себе, что привлекают вас отнюдь не прелестные девы. Вы ведь не просто так пришли ко мне вдвоем, что ж, настало время вам исполнить свои тайные желания.

Я бережно усадила клиентов прямо на ковер друг напротив друга.

— Не бойтесь, — подбодрила я, когда Мартин робко коснулся щеки старшего товарища. — Вам понравится друг с другом.

Когда же почтенные лорды, потеряв остатки стыда, накинулись друг на друга, срывая одежды, я отвернулась и тихо вышла из гостиной.

Желания наблюдать за этими игрищами у меня не возникло, а вот смыть с себя их касания и вкус поцелуя очень хотелось.

Я прошла в ванную комнату и скинула порванное платье на пол. Чуть позже сожгу, возможно, даже вместе с ковром. На заднем дворе. Интересно, будут ли задавать вопросы девочки из соседних домиков?

Я представила их любопытные лица, и на душе стало опять гадко.

Меня зовут Торани Фелз, и я, выражаясь культурным языком, элитная куртизанка. Блудница ночная, дочь греха и порока, и вообще, таких, как я, проклинали священники и ненавидят приличные жены.

И я последняя из иллюзорных суккубов. Тех самых, которых истребляла церковь на протяжении тысяч лет и добилась на этом поприще небывалых успехов. Истребили. Всех. Ну, почти всех.

И, наверное, было за что. Слишком опасным признали наш талант управлять желаниями людей. Сексуальными желаниями. Создавать иллюзии их исполнения, манипулировать чужим сознанием, заглядывать в сокровенные тайны душ.

Ох, сколько безгрешных святых отцов мы вывели на чистую воду, показав людям, что даже служителям Господа не чужды изменные желания и пороки. Походы в келью к монахиням оказались лишь невинными развлечениями, когда вскрылись более серьезные секреты этих «святош».

Началась жестокая охота, нас истребляли тысячами. Кровь моих убиенных сестер могла бы окрасить воды самой бурной реки Прайма. А сколько пострадало невинных человеческих девушек, обвиненных в том, что они суккубы. Эти бесчисленные жертвы оправдывались волей Господа и благом Страны.

Но все забывается. Лет сто назад и про нас забыли, решив, что наша кровь смыла все наши греховные преступления.

Вот только моей бабушке удалось выжить. Она сумела спрятаться там, где искать таких, как мы, слишком очевидно, и там, где есть могущественные покровители, способные тягаться с духовенством на равных.

В публичном доме.

В отличие от других работниц этого нелегкого дела, она не спала с клиентами. Зрелая иллюзорница умела доставлять удовольствие иными способами так, что недовольных не оставалось.

Так же, как и я сегодня, бабуля видела глубинную суть и самые потаенные страсти клиентов. Ткала в их сознании полотно иллюзии, где исполнялись самые извращенные фантазии, снимала все границы и запреты, которые накладывало общество и личные страхи. За одну ночь человек мог испытать те чувственные удовольствия, о которых боялся даже подумать или признаться себе.

Наутро магия рассеивалась, оставляя после себя облако эйфории и удовлетворенности. Фантазии многих оказывались столь ужасны, что воспоминания о ночи бабушка стирала, подменяя более мирными образами. Некоторые, например, как мои лорды, шалящие сейчас в гостинной, наверняка будут удивлены исполнению своих фантазий. Я даже задумалась, стоит ли им чистить с утра память, подменяя «голубой огонек» более приемлемым для мужского сознания «тройником».

Я вступила под горячие струи душа и прикрыла глаза. Сладкая истома расплзлась по телу, унося мысли вдаль.

И все же мне необходимо быть более осторожной. Если охота окончилась официально, это не значит, что в обществе не найдется сумасшедшего фанатика, который заподозрит в слухах о талантах молодой куртизанки нечто большее.

И тогда даже думать не хочется. Смерть ведь не самое жуткое, что может мне угрожать. Ведь истребляли суккубов не всегда через костер или повешение. Гораздо эффективнее и надежнее было нас насилловать.

Вступать в настоящую связь с мужчинами суккубам чревато. От первой ночи любви в жизни таких, как я, всегда рождались дети, но если ночь была без чувств, мы теряли дар и способность иметь детей навсегда. Именно поэтому никому не пришло в голову искать нас в домах похоти.

Хотя моей бабушке и матери повезло, если можно так сказать. Даже в столь ужасном месте, как бордель, они смогли найти тех, кто разглядел в них не просто развлечение. Так, мой дед оказался местным дворником, а отец — посыльным, который ежедневно приносил свежие газеты. Невинный юноша даже не знал, что дом, в котором жила мать, отнюдь не школа для юных девиц, а увеселительное место для богатых мужчин.

Мое же время встретить отца будущих детей пока не пришло.

Струи воды скользили по моему телу, смывая чувства сегодняшнего дня. Во всем произошедшем был только один плюс: те два мешочка с камнями. Плата, которую я внесу за свою свободу.

Я прикрыла глаза и вспомнила тот день, когда десять лет назад тетушка Марджери явилась в дом, где жила моя мать.

Мне тогда было тринадцать. И таких же, как я, детей, выросших в обществе куртизанок, в доме было много. Но тетушка пришла к нам не просто так, а выбирать будущих работниц.

Старуха Марджери уже тогда была старухой и, казалось, занималась своим бизнесом уже целую вечность. Она содержала десятки подобных домов радости по всему Прайму: для бедняков — с девушками пострашнее, для среднего класса — именно в таком работала моя мать. И для элиты. Сюда повезло попасть мне.

Марджери заметила меня сразу, потрепала по щеке, придирчиво осмотрела со всех сторон. Потом приходил доктор, который подтвердил мое здоровье, и в тот же день меня

забрали от матери.

Кроме публичных домов старуха содержала еще и школу, именно там меня обучали наукам и манерам до двадцати лет. А три года назад учеба окончилась, и Марджери пригласила меня, юную и дрожащую, как лань, на беседу с чаем. Конечно же, мне сказали, что годы счастливого детства теперь надо отработать и оправдать вложенные средства. А еще то, что мою девственность продали с молотка за огромные деньги и теперь моя судьба зависит от того, как хорошо я обслужу первого клиента.

Сразу после разговора, уже находясь в одиночестве, я перестала изображать невинность и взяла себя в руки. В конце-то концов, я всегда знала, кто я такая и чем мне грозит потеря «девичьей чести», а уходя от меня на следующее утро, довольный клиент вовсю нахваливал тетушке Марджери ее воспитанницу.

Тем же вечером меня поселили в самое элитное публичное заведение Прайма.

Здесь не было душных комнат с грязными диванами, вонючих сигарет и дешевого алкоголя. Тут у каждой девочки был свой дом, где она была хозяйкой. Лучшие куртизанки страны жили здесь по соседству друг с другом.

Самый высокооплачиваемый дом радости занимал целый квартал столицы, который в простонародье называли Кварталом Продажных Дев.

Я же называла его городом в городе. Со своими правилами и законами.

Днем Марджери разрешала нам выходить гулять по столице, ночью же мы были обязаны работать.

Но меня воротило от этой жизни. От лживого лоска, богатства и похоти в глазах бесконечных клиентов. Я мечтала о своей жизни вдали от всего этого и помнила свою мать, которую так и не видела с того дня. О которой знала лишь то, что она умерла через несколько лет после нашей разлуки. Причин я не знала, мне обо всем рассказали уже как о свершившемся факте.

В тот момент я поклялась, что не буду любить и уж тем более рожать в подобном рабстве. Мои дети не должны повторить мою судьбу.

Первый побег казался мне слишком простым, глупым и беспечным. Я просто решила не возвращаться после дня в городе на свое «рабочее место».

Но едва последние лучи солнца скрылись за горизонтом, мое тело пронзило такой нескончаемой и нестерпимой болью, что я грызла землю, не в силах ее побороть, и ползла несколько миль на коленях к ненавистному Кварталу Продажных Дев.

На пороге «моего» дома ждала старуха Марджери.

Она равнодушно позволила мне проползти мимо нее, толкнуть рукой и без того открытую дверь и без сил рухнуть в холле на пыльный ковер, словно нашкодившей собаке, наказанной хозяином.

Марджери молча склонилась надо мной и провела пальцем по злосчастным строчкам договора найма, который подписывали все девочки.

— Первый побег — боль. Второй — смерть, — сухо произнесла она.

Эти слова осколками впились в мой мозг, и я заплакала в тот момент.

— Ну и что тебе не сиделось? — укорила меня Марджери. — Теплая еда, модные тряпки, куча побрякушек. Клиентура сплошь элита. Тебя не насилуют пьяные работяги, с чего вдруг ты решила сбежать?!

Моих мотивов она в упор не понимала, я же выдавила единственное слово:

— Свобода.

Тогда Марджери расхохоталась.

— Птичке захотелось воли? — с издевкой спросила она меня. — Только кто тебе ее даст? Ты курочка, несущая золотые яйца, в тебя вложены усилия и средства.

— Я готова отработать, — сквозь рыдания выдавила я, утыкаясь лбом в грязный ковер.

— Твоя цена два миллиона золотом. — Старуха заведомо назвала неподъемную сумму и сплонула прямо на пол. — Ты не соберешь их за всю жизнь, даже если будешь обслуживать троих за ночь.

Тогда у меня не было сил ей перечить, но планочку цели в тот день я себе задала.

— Дайте слово, что, если я заплачу вам эти деньги, вы меня отпустите.

Это предложение повеселило хозяйку борделя.

— Да кому ты нужна будешь потом, с бездонной дырой между ног?

Я же упрямо процедила:

— Дайте слово.

Сквозь злую усмешку Марджери кивнула и даже щелкнула пальцами, материализуя договор:

— По рукам, девочка. Чтобы все было по-взрослому, мы даже подпишем контракт.

Я хорошо помнила момент, когда моя подпись вспыхнула зеленым свечением на волшебной бумаге в знак подтверждения сделки.

Каждую ночь я представляю перед собой миг, когда выполню условия сделки и выплачу старухе всю сумму и смогу уйти. За три года я уже успела отработать четвертую часть долга, и только упорство заставляло меня верить, что если продолжу работать такими же темпами, то через девять-десять лет выйду в город вольной дамой.

Уеду в другую страну и забуду о прошлом.

Я выключила воду и ступила на кафельный пол ванной. Полотенец я не держала принципиально, мне нравилось, когда капли сами высыхают на теле, поэтому пока наносила ухаживающие крема на распаренную кожу, на пол натекла изрядная лужица.

Без зазрения совести я вытерла ее порванным платьем, любясь влажными разводами на дорогом атласе.

Где-то в глубине души наряд все же было жаль, он мне нравился, но такова участь многих платьев в гардеробе куртизанок. Наши клиенты слишком любят грубость. Но лучше пусть страдают тряпки, чем женские лица.

В доме, где я росла, мужчины часто били девочек. Мне же оставалось порадоваться, что мои «аристократы» все свои фантазии о насилии совершали исключительно в собственном сознании.

Хотя я часто видела, как они представляют мое лицо изуродованным от побоев, а волосы намотанными на свой кулак. Тот захват от сэра Карлоса сегодня был цветочками по сравнению с этим.

Я подошла к зеркалу и взяла сушильную расческу — новейшее изобретение техномагов. Больше не нужно было мучительно долго шептать сложные заклинания или ждать, пока волосы высохнут сами. Умная расческа дула теплыми потоками воздуха и одновременно аккуратно укладывала волосок к волоску. Уже через две минуты расчесывания я любовалась в зеркале своими белоснежными локонами. Перед сном нужно было обязательно заплести их в косу, иначе утром проснусь с одуванчиком на голове.

Пока занималась незамысловатой прической, невольно залюбовалась собственным отражением. Природа суккубы одарила меня не только уникальным талантом, но и

неординарной внешностью для страны Прайма. В отличие от большинства местных брюнеток и шатенок, я была жемчужно-снежной блондинкой с пухлыми розоватыми губками, бледной кожей, легким румянцем и раскосыми зелеными глазами.

Не единожды я ловила недобрые взгляды от девчонок из соседних домиков, да и от горожанок, когда выходила на прогулку в Столицу. Пришлось придумать сказку о волшебном зелье, которым я крашу волосы, секрет которого достался от матери. Многие даже выпытывали у меня и требовали раскрыть состав, но вмешалась Марджери, рывкнув на самых любопытных, что если они решат стать моими блеклыми копиями, то интерес и к ним, и ко мне быстро угаснет. Клиенты ведь любят эксклюзив.

Зависти после этого стало больше, но любопытство поутихло.

Я накинула на себя халат и перед сном решила еще раз зайти в гостиную, проверить, как же там лорды. По пути забежала в кладовую и захватила баночку со смазкой.

Мужчин застала в крайне любопытной разновидности 69. Мартин самозабвенно отдавался страсти, скользя губами по чужому достоинству, в ответ Карлос, прикрыв глаза, постанывал и нежно массировал яички друга, поглаживая второй рукой точку у чувствительной уздечки.

Ну и пускай, за три года я насмотрелась в этой гостиной и на большие гадости, чем два мужеложца. Судя по всему, до самого интересного они еще не дошли, наслаждаясь затянувшейся прелюдией. Опытным взглядом я заметила, что ведущая роль досталась Карлосу, именно рядом с ним я поставила банку смазки. Думаю, опытный лорд отнесется бережно к попе Мартина, тем более что тот уже крайне женственно выпячивал ягодицы в надежде на скорое проникновение.

Ох, ковер все же придется сжечь. Я отошла от голубков к столику, забрала оттуда мешочки с алмазами. Утром отнесу Марджери. Половина здесь и так ее, вторая половина — моя плата за свободу. Себе я оставляю лишь один камушек, обменяю завтра у знакомого ювелира. Нужно на что-то купить злосчастный ковер.

Я поднялась на второй этаж и, не зажигая свет, легла в холодную постель.

Проснулась я с первыми лучами солнца. Они игриво проникли через окно в спальню и теперь отбрасывали мириады зайчиков, преломляясь через висящую на хрустальной люстре.

Вставать так рано я приучилась уже давно, мне ведь было необходимо подготовиться к пробуждению клиентов. А они любят, когда с утра их встречает красивая женщина. Даже если ночью в своих мечтах они грубо отымили ее, избивая до потери сознания.

Я достала из гардероба почти точную копию вчерашнего платья, разве что это было из шелка, облачила ножки в изящные туфли на тонком каблучке, накрасилась.

Когда спустилась, обнаружила гостей спящими в обнимку на полу, вместо одеяла они использовали все тот же ковер. Удобно, наверное.

Я собрала их разбросанную одежду и аккуратно сложила на диванчике. Вернула журнальный столик на законное место в гостиной, уселась в любимое кресло и закурила.

Вишневые сигареты были моей слабостью, с ней я ничего не могла поделать с пятнадцати лет. Хотя и пыталась, но в конце смирилась и предавалась единственной доступной мне страсти с удовольствием и без сомнений. Дымные кольца складывались в

фигурки животных, подвластных моей мысли, они поднимались к потолку, игрались друг с другом и растворялись в пространстве.

От созерцания двух любящих друг друга кроликов меня отвлек хрип первого проснувшегося.

— Что... что происходит? — Сэр Карлос выбирался из-под ковра и объятий Мартина.

— Как вы себя чувствуете? — вежливо поинтересовалась я. И даже не ехидничала, мне действительно нужно было понять, как он себя чувствует, все же подобные развлечения с непривычки могли быть крайне болезненными наутро.

Лорд поморщился и потер зад ладонью. Кажется, они вчера даже успели поменяться с Мартином ролями. Воспоминания о ночи всплывали в мозгу сэра отрывками, медленно обрисовывая целостную картину.

— Ведьма! — ненавидяще выдохнул лорд. — Ты что натворила, сука? Опоить нас решила!

Я поморщилась от его возгласа. Слишком громко и может привлечь ненужное внимание к моему домику.

— Тише, — осадила его я, приподнимаясь с кресла. — Неужели вам не понравилось? Признайтесь.

На щеках мужчины заиграл румянец.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? У меня есть жена, дети. Я почетный гражданин Страны. — Карлос боролся одновременно с собственным стыдом и признаниями в запретных наклонностях. — Стерва!

Вопросов, как именно я это сделала, лорд даже не задавал, видимо, решил, что я подлила им что-то. Интересно когда? Они ведь ничего у меня не пили.

Под ковром завозился Мартин, а когда открыл глаза, шокированно уставился на друга и на меня.

— Что ты нам подлила вчера, дрянь? — так же, как и друг, выпалил он.

До него происшедшее дошло гораздо быстрее. Я даже позавидовала скорости его реакции. А еще невольно улыбнулась, когда гаденыш вскочил на ноги и с перекошенным от боли лицом схватился за разработанный ночью зад.

Я молча передала ему заранее приготовленную заживляющую мазь.

— Что ж, почтенные граждане Страны. — Я материализовала перед ними подписанные вчера договора. — Согласно пункту о неразглашении вы не имеете права рассказывать, каким именно способом я доставила вам вчерашнее удовольствие. Так же как и я никому об этом не буду рассказывать. Поэтому за свою поруганную мужскую честь будьте спокойны и можете дальше жить со своими занудными женами и трахаться с ними раз в месяц по расписанию.

Я сделала паузу, давая лордам осознать услышанное.

— Что же касается открывшихся у вас новых наклонностей... Можете сделать вид, будто вчера абсолютно ничего не произошло, и рассказывать знакомым байку о том, как отжарили продажную шлюху на двоих. А можете, — я придвинула обоим кубки с обыкновенной водой, — выпить это, и детали вчерашней ночи исчезнут из вашей памяти и перестанут бередить погрязшую во грехе душу.

Вот сейчас я откровенно язвила и даже немного лукавила: от воды их воспоминания вряд ли изменились бы, а вот моя магия способна подрихтовать откровенные моменты вчерашней ночи.

Не сговариваясь, лорды потянулись за кубками.

— Вот и славно, — похвалила я, наблюдая, как Мартин и Карлос жадно поглощают жидкость.

Вместе с этим их вчерашние воспоминания становились более классическими, такими, что и рассказать не стыдно в мужской компании. И даже похвастаться.

Через час довольные и одетые лорды покинули дом, сев в припаркованную у палисадника паровую машину последней модели.

Я же свернула изгаженный ковер и припрятала его в чулан на время, а после вышла из дому и направилась к Марджерри.

Погода неожиданно испортилась, и заморосил мелкий дождик. Я очень пожалела, что не взяла с собой зонт. Но и возвращаться не решилась — не терпелось сдать кассу и узнать, насколько уменьшился мой долг.

Старуха жила в центре нашего развратного квартала в самом роскошном особняке. Четыре этажа роскоши и лоска. И зачем только старой кошелке столько богатства?

Я вбежала по ступенькам крыльца. Взялась за кольцо в носу чугунного льва и постучалась в резные двери.

Открыл престарелый дворецкий Ричард. Ему было уже за шестьдесят, и ходили слухи, что скоро старуха заменит его на более молодого слугу.

— Приветствую, Торани, — поздоровался он. — С выручкой?

Я коротко кивнула, стряхивая капли дождя с платья.

— Рич, у тебя нет запасного зонта? Я забыла свой дома.

Дворецкий приветливо улыбнулся:

— Что-нибудь придумаю. Марджерри сегодня принимает в южном кабинете, ты, кстати, не спеши, там очередь из других девочек.

Настроение мгновенно испортилось.

— Спасибо, что предупредил, — поблагодарила я и двинулась в указанном направлении.

С коллегами по работе я старалась контактировать как можно реже, все же зависть и змеиный женский коллектив всегда давали о себе знать. Из всех работниц страсти в Квартале Продажных Дев без опасения получить нож в спину я общалась только с Каролиной, и то лишь из-за специфики клиентуры последней. Она работала исключительно с женщинами. Да, такие тоже встречались среди набожных и приличных дамочек. Как известно, даже в тихом пруду водятся черти.

Дойдя до южного кабинета, перед дверью встретила троих, таких же ждущих randevu с Марджерри: Каролину, Ребекку и Зою. Последние две — закадычные подруги и по совместительству мои соседки, отношения с которыми у меня не заладились с первого дня.

И если Каролина со скучающим видом подпиливала ногти, опершись на стену, то товарки одарили меня очень красноречивым взглядом.

— Трудоголиком заделалась? — поинтересовалась Зоя. — Я видела, как вечером к тебе заходили двое.

Мне оставалось лишь ослепительно улыбнуться.

— Да. — Я игриво накрутила локон волос на палец, изобразив легкомысленную дурочку. — Потрясающие мужчины. Редко получаешь удовольствие от клиентов, а здесь... ммм, что они вчера творили, давно я не испытывала подобное.

Самое забавное, что я даже не врала. Творили мои лорды вчера те еще извращения, а удовольствие моральное я испытывала, когда перебирала драгоценные камушки, не меньше, чем они от оргазма.

— Понятно, — протянула Ребекка, не найдя, чем меня подколоть.

Ну а что еще тут скажешь, меня не избили, я довольна, деньги получены. Счастливого человека не обидишь.

Каролина же пронаблюдала за моей бравадой с легкой улыбкой, но так и не отвлеклась от своих ногтей.

Вскоре, одна за одной, девочки зашли в Марджери, отдали заработанное за ночь и удалились. Им, в отличие от выпавшейся меня, нужно было отдохнуть. Сегодняшней ночью снова работать.

Когда я прошла в кабинет, то привычно села в знакомое кресло. Так же, как и обычно, старуха налила мне чашку чая, к которому я никогда не притрагивалась, и так же, как обычно, протянула руку за деньгами.

Я молча передала ей мешочки с алмазами и сложила руки на коленях в ожидании.

— Любопытно, — протянула карга, высыпав содержимое и разглядывая его через специальное стекло. — Минус двадцать пять тысяч от твоего долга. Ты становишься самой высокооплачиваемой девочкой из моей коллекции. Я даже подумываю, не продешевила ли, назвав тогда цену в два миллиона.

— У нас контракт, — коротко ответила я, чтобы старуха не надумала еще какую-нибудь гадость, чтобы загнать меня в вечную кабалу.

— Мне даже интересно, в чем твой секрет. — Марджери сгребла камни в ящик стола и поднесла ко рту свой чай.

— В том, что я штучный товар, — без лукавства ответила я. — Пока клиент будет думать обо мне, как о чем-то уникальном и неповторимом, я буду в цене.

— Справедливо, — согласилась Марджери, салютуя чашкой. — Настолько справедливо, что за сегодняшнюю ночь с тобой заплатили авансом сто тысяч.

В первое мгновение я была готова обрадованно взвизгнуть, но нотки недосказанности мелькнули в голосе Марджери, заставив меня обеспокоенно заерзать в кресле.

— Слишком большие деньги, где подвох?

— А за завтрашнюю — триста, — договорила Марджери, внимательно следя за моей реакцией.

Я же вскочила, испуганно вскрикнув:

— Нет.

И пускай четыреста тысяч — это огромная сумма, но я потеряю больше, согласившись. И дело даже не в том, что якобы исчезнет моя эксклюзивность, это полбеды. Моя магия может действовать лишь на протяжении суток после первого воздействия. Ровно через двадцать четыре часа у человека вырабатывается иммунитет, сводя все мои усилия на нет.

— Нет, — еще раз повторила я. — Марджери, у нас был уговор. Никаких повторных ночей и священников. Я ведь не так много прошу!

Это были те два условия, о которых я попросила после самого первого клиента в этом борделе. Тогда Марджери отнеслась к этим заскокам с улыбкой, туманно ответив: «Я подумаю». И до сегодняшнего дня ни разу не нарушала.

— С твоей дуростью и священниками я смирилась, — спокойно ответила старуха, отставляя чай в сторону. — В конце концов, мне плевать, что ты другого вероисповедания и не чтишь Бога общего. Твое дело. Но пока я твоя хозяйка, будешь делать то, что я скажу. Две ночи с тобой уже оплачены, поэтому будь умничкой и отработай их как положено!

Сказано было таким безапелляционным тоном, что перечить я побоялась. Все же

рычаги давления у старухи на своих работниц имелись. И сжигающая душу боль была только одной из них.

Я молча поднялась с кресла и отправилась на выход. Мне стоило подумать, как пережить две ближайшие ночи и составить план — как впихнуть два воздействия в одни сутки.

У дверей старуха меня окликнула, ошарашив еще одной хорошей новостью:

— Завтра в полдень придет доктор и проведет плановый осмотр. Будь добра, не опаздывай.

Мне оставалось лишь кивнуть, но едва оказалась в коридоре, с трудом сдержалась, чтобы не зарыдать прямо здесь и не сползти по стеночке, обнимая и жалея себя.

Не порадовал даже зонт, врученный Ричардом перед выходом на улицу. Все свалилось одновременно. Дурацкий клиент на две ночи и доктор.

Я даже не знала, кто из них страшнее.

Доктор Фрэнсис был тем еще мерзким старикашкой, жадным до женской ласки и денег. Старуха всегда вызывала его на осмотр девушек. И примерно раз в полгода докторишка являлся и проверял нашу братию на предмет здоровья. Я же, парадокс борделя — куртизанка-девственница, — вызывала у него нездоровое любопытство и желание поделиться им с Марджери.

В первый раз я устроила гаду промывку мозгов, отделавшись исполнением его грязных фантазий. Ничего особенного. Он всего лишь представил сладкий минетик и несколько раз в попу. А вот потом стало сложнее. Пришлось отдать Фрэнсису кругленькую сумму за молчание. И с каждым разом его такса росла, обрастая лишними нолями. И черт бы с ним, насобирала бы я денег, если бы сегодняшнюю ночь не оплатили Марджери авансом.

К задаче обслужить дурацкого клиента ночью добавилась еще одна — стрясти с него тысяч двадцать золотом. Много, очень много. С учетом уже оплаченного.

Зайдя в дом, я положила мокрый зонт в сторону. Прошла в гостиную, покачала головой, озирая голый пол. Видимо, не судьба мне сегодня купить новый ковер. Деньги, вырученные с продажи камушка, пойдут на оплату молчания жадного докторишки.

Я переделалась в более скромную одежду под стать обычным горожанкам. Серое платье из плотного хлопка, единственным украшением которого служили белые воланы манжет. Дополнили образ высокая шляпка с вуалью и кожаные сапоги с железными каблуками.

Алмаз спрятала в самом надежном для женщины месте: в кружевном лифе. А после, вооружившись уже своим зонтом-тростью, двинулась в город к ювелиру.

К моему разочарованию, алмаз удалось продать всего лишь за тысячу. Слишком мало в моем положении, хотя и максимально дорого для подобного камня.

Я вышла из ломбарда, на мгновение остановившись на крыльце. Следовало осмотреться по сторонам и решить, что делать и куда идти дальше.

Погода, как назло, испортилась окончательно, превратившись из морозящего дождика в полноценный ливень. Брусчатку заливало потоками воды, делая камень скользким, что полностью отбивало желание продолжать путь на своих двоих.

Конечно, можно было бы поймать паровой экипаж и доехать до Квартала с комфортом, но у меня сейчас каждый медяк был на счету. Я с тягостным вздохом сошла с крыльца и двинулась пешком в нужном направлении.

Потоки быстрой воды превращались в целые ручейки, бегущие вниз по улице, местами они разливались целыми озерами, обойти которые не представлялось возможным. Мне, как

и множеству других прохожих, приходилось перепрыгивать через них. Лишь редким из нас удавалось не оступиться и не поднять кучу брызг.

Так во время одного из таких «трюков» я замочила подол платья. Порадовало лишь то, что мои качественные кожаные сапоги влагу не пропускали. Хоть ноги сухие.

Но неприятности только начались, потому что следом меня окатила водой проезжающая мимо машина. Она промчалась по узкой улочке со скоростью, разрешенной только на специальных гоночных трассах Панема.

Вместе со мной пострадали несколько прохожих, а еще лоток пекарской лавки, где пироги и плюшки, скрытые сверху от дождя навесом, не имели защиты от брызг с дороги.

Хозяин посылал вслед лихачу сотни проклятий, остальные свидетели ему вторили, я же, несмотря на полную солидарность с пострадавшими, завистливо смотрела на удаляющийся дымный шлейф от трубы автомобиля.

Мне нравилась эта техника, совершенная и современная инженерная мысль, облаченная в корпус из металла и стекла. Но об этом не нужно никому знать. Пускай окружающие думают, что мои интересы ограничиваются модными платьями и красивыми прическами.

Та же Марджери, изучая аттестат из школы, даже внимания не обратила на мои отметки по техническим предметам. Ее больше интересовали дисциплины этикета, танцев, литературы. Я же ночи напролет могла проводить в библиотеке за изучением строения первых машин.

Ох уж эти теплые воспоминания.

Я тряхнула головой, выбрасывая оттуда эти несвоевременные мысли, и под причитания подсчитывающего убытки пекаря двинулась дальше.

До Квартала Продажных Дев оставалось несколько минут ходьбы, когда сильный порыв ветра вывернул спицы зонта и унес шляпку с моей головы. Ее закрутило потоками воздуха и потащило вперед собирать пыль и грязь с брусчатки.

На мгновение я растерялась, но тут же бросилась за ней, по пути поправляя зонт. Прохожие, видя бегущую меня, расступались, освобождая дорогу, хотя за мгновение до этого я видела, как грузный мужчина в длинном пальто бесцеремонно наступил на вуальку убегающего от меня головного убора.

А он, словно издеваясь надо мной, то останавливался, позволяя истоптать себя чужим ногам, то вновь уносился вперед с помощью ветра. И неся он не абы куда, своей целью шляпка избрала стайку молодящихся дам, которые, несмотря на ливень, назойливо приставали к горожанам и впихивали им в руки листовки.

— Ох! — Я издала тягостный вздох. — Вот только их здесь не хватало.

Одна из них заприметила меня, спешащую в их направлении. На мгновение она расцвела, решив, что я заинтересовалась ее деятельностью, но, даже поняв, что моя цель всего лишь потерянная шляпка, не растерялась. Подхватила пряткий аксессуар и с самым ангельским видом принялась ждать, когда я подойду его забрать.

Мне вдруг очень захотелось подарить убор ей, а самой развернуться и уйти, лишь бы не разговаривать с дамочкой. Все равно шляпка, вероятно, безнадежно испорчена чужими ногами так, что никакая стирка не поможет, поэтому стоит ли встречаться лишней раз с неприятными мне личностями.

Я уже приготовилась развернуться, но заподозрившая неладное мадам поспешила меня окликнуть:

— Мисс, ваша шляпка у меня!

Пришлось смириться с неизбежным и идти забирать.

— Спасибо, — поблагодарила я, выдирая головной убор из цепких рук тетки.

При ближайшем рассмотрении я бы дала ей лет пятьдесят, очень хорошо одетая, даже богато. Морщины тронули ее лицо не настолько сильно, чтобы выдать истинный возраст. Я даже предположила, что дама часто покупала дорогие крема у аптекарей. А обручальный перстень с большим синим камнем намекал, что, скорее всего, передо мной одна из тех самых жен пуританских нравов, возможно, даже кого-то из наших клиентов.

— Мисс, — выпалила она. — Поддержите общественную петицию о сносе Квартала Продажных Дев.

От удивления я выгнула бровь. Дамочка же принялась запихивать мне в руку со шляпкой еще и многочисленные листовки.

— Это язва на лице нашей страны! Гнойный прыщ греха, который следует безжалостно выдавить и прижечь! — Она трясла передо мной каким-то документом и неустанно тархтела: — Наш церковный приход решил исправить ситуацию и провести в парламент Страны закон о запрете публичных домов в Панеме! Вот, подпишите!

Она сунула мне под нос бланк, уже исписанный сверху приверженцами петиции, и одухотворенно уставилась, ожидая, как я пополню ряды фанатиков.

Я мельком пробежала взглядом по строкам, отметив, что преимущественно все имена на бумаге женские, а еще для подписания нужны данные документов гражданина Страны. Без них подпись юридического веса не имела.

— Мне очень жаль, — рассыпалась в извинениях я. — Но у меня нет с собой паспорта.

Дама расстроилась, но не растерялась.

— Ничего страшного, — приободрила она и приветливо похлопала меня по плечу. — Мы с сестрами здесь каждый день, кроме седьмого.

«Ну да, — заметила я про себя. — В воскресенье вы наверняка в церкви».

Кое-как распрощавшись с назойливой дамой, я все же дошла до Квартала. В дневное время здесь, как обычно, былолюдно, многие горожане не чурались греховной репутации места и сокращали свой путь через нашу улицу. Да и несколько лавочников облюбовали проходное место, продавая не только сувениры, но и продукты.

Некоторые особо ушлые даже делали работницам страсти скидки взамен на услуги по рекламе товара клиентам. Ведь никто не мешал утром предложить ночному гостю вкуснейший чай из лавки Оливера и шоколадные конфеты от мисс Крон.

Я подошла к табачнику и, расплатившись двумя серебряными, взяла десяток вишневых сигарет, а уже у своего дома купила свежего творога у молочника.

Наспех пообедав, я принялась за составление плана приема вечернего клиента.

Мне было не очень интересно, какого извращенца на этот раз подкинула судьба, но вот то, что нужно будет тянуть время и отсрочить непосредственное воздействие на него, беспокоило.

Для этого из кладовой принесла бутылку дорогого вина, заранее приготовила штопор, два бокала. Сервировала столик фруктами.

Ох, как было бы хорошо, если бы он вначале поел. Скажем, пару часиков, а потом раскошелится на двадцать тысяч и покинул мой дом восвояси.

Может, утку в яблоках заказать? Не поскупится же Марджери на такие плевые расходы по сравнению с вырученным кушем.

Но в итоге на идею махнула рукой. Если клиент не ситофил^[1], вряд ли его возбудят

жирные поджаренные крылышки.

Я поднялась в спальню и принялась придирчиво выбирать наряд. Костюм госпожи был отмечен, как слишком своеобразный, не факт, что мужчина оценит. Так же как и развратное белье с вырезами на самых интересных местах. Я стукнула кулаком в стену от раздражения. Вот почему я не любила незнакомых клиентов, о которых ничего не могла узнать заранее. Даже со вчерашними лордами было проще, слухи о их предпочтениях помогли мне с выбором корсетного платья. Но сейчас я растерялась.

В итоге решила, что самым правильным будет примерить легкое бежевое платье. С воздушными юбками и удивительно тонким лифом. Весь крой наряда придавал мне флер очаровательной наивности, словно юная прелестница вышла прогуляться на зеленый луг и погладить овец. Вот только мои округлые формы под нарядом и выступающие соски под тонкой тканью добавляли образу искусительной развратности.

— Что ж, — прошептала я, разглядывая себя в зеркало. — Попробуем вначале поиграть в невинность.

Представляя ход вечера, решила, что, возможно, будет правильным потянуть время дразнящим раздеванием, поэтому на ножки натянула шелковые чулочки и прелестные атласные балетки на лентах.

Чудо, как хороша!

Вот только волнение никуда не делось. Спустившись в гостиную и усевшись в кресло, я провела остаток вечера в ожидании и сигаретном дыму.

Ровно за час до полуночи в дверь позвонили. Я вздрогнула от трели колокольчика и отправилась открывать.

Гость стоял на пороге, облаченный в черный плащ с капюшоном, полностью скрывающим его лицо. За плотной пеленой дождя я заметила припаркованный у дороги автомобиль той же модели, что обрызгал меня сегодня утром. Конечно, вряд ли водителем был именно мой клиент, но на мгновение негатива к нему у меня прибавилось.

— Приятной ночи, сэр, — поздоровалась я, приветливо улыбаясь незнакомцу. — Рада видеть вас у себя в гостях. Проходите.

Ответом он меня не удостоил, но в холл вошел.

— Разрешите снять с вас мокрый плащ. — Я услужливо протянула руки к вороту его одежды, но от меня отстранились.

— Я сам. — В его голосе прозвучала неприкрытая брезгливость, которая меня тут же озадачила.

Что-то новенькое.

Я внимательно следила, как мужчина сбросил с лица капюшон, освобождая вороную шевелюру густых волос и лицо в полумаске. По всей видимости, клиент захотел соблюсти полную анонимность, раз боялся показать свой лик. Я лишь смогла отметить для себя блеск его стальных глаз в прорезях матового аксессуара и красивые губы, которые вскоре придется поцеловать, погрузив гостя в пучину эротических грез.

Он сам снял верхнюю одежду и сам повесил ее в гардеробную.

Меня вновь одарили странным взглядом.

— Ведите, — сухо приказал он.

Я попыталась взять его за руку, но и этого мне не позволили. Зато, оглядев гостиную, клиент скептически поинтересовался:

— Это здесь вы «работаете»? — Последнее слово он выделил особым выражением

неодобрения.

Я же ломала голову, зачем он вообще сюда явился за такие деньги, если строит из себя ханжу. Обидно было другое: пока я до него не дотронусь, магия не позволит понять, какие же тайны хранятся в эротических мечтах гостя. Про поцелуй пока даже речи не шло.

— Можем тут, а можем в спальне, — ласково проворковала я, в попытке растопить сердце сухаря. — В любом месте, где захотите. На столе, на полу, в ванной...

По мере перечисления вариантов губы незнакомца сжимались в брезгливую полосу.

— Прекратите, — попросил он и, пройдя к дивану, уселся на самый край. Было видно, что гостю у меня неуютно. Хотя барские замашки и повелительный тон выдавали в нем знатную особу. — И сядьте!

Подчиняясь, я заняла свое место в кресле. То, что клиент оказался сложным, я уже поняла, а вот как к нему подойти, еще нет.

— Вина? — предложила я, указывая взглядом на закрытую бутылку.

Гость смерил ее тяжелым взглядом и покачал головой.

— Нет. Я здесь не за этим.

Можно подумать, я не догадалась, что к куртизанкам ходят не за тем, чтобы выпить.

— А зачем? — поинтересовалась я, внимательно продолжая изучать гостя. К моему сожалению, на руках у него еще и перчатки обнаружили. Неужели ему так противно здесь находиться, что он побрезговал их снять?

— Я на вас поспорил, — нагло заявил гость, вкладывая во фразу оттенки множества эмоций: от азарта до бесконечной надменности.

— Очень интересно, — протянула я. — И в чем же заключается ваш спор?

— В том, что продержусь три ночи наедине с самой красивой и искусной куртизанкой Панема.

В удивлении я округлила глаза. Конечно, это было даже приятно, что меня наградили столь лестным званием, но вот про три ночи и «продержусь» стало очень интересно.

— Насколько знаю, оплачено только две. Неужели вы настолько не уверены в себе, что решили на третью даже не замахиваться?

— Хозяйка этого заведения не согласилась, — признался он. — Сказала, что подобное не в правилах вашей работы и что ради меня и так пошли на исключение.

В этот миг я невольно испытала к Марджери если не прилив благодарности, то, как минимум, «спасибо», что она не сотворила мне еще большую подставу.

— Что же касается моих сил, то в них я уверен. Мне противны вы и ваша работа, поэтому никакие уловки и соблазнения не способны заставить меня до вас даже дотронуться.

Пожалуй, это самый удивительный клиент за мои три года работы куртизанкой.

— И ради чего, простите, вы тогда заплатили ТАКИЕ деньги, — не уставала интересоваться я в попытке понять чужие мотивы. — Чтобы просто посидеть на диванчике?

— На кону гораздо большая сумма и, возможно, вам что-то скажет это слово — честь. Я буду не я, если поступлюсь своими принципами и трону грязную девку.

Я не выдержала и рассмеялась. Ну что за странный мужчина? Мне же проще в какой-то степени.

— Так в чем проблема? Я могу вам даже помочь в этом «нелегком» деле. Всего за двадцать дополнительных тысяч золотом я готова не приставать к вам и уйти спать в свою спальню, не смущая своим греховным видом. И тогда ваша честь точно останется

незапятнанной.

Но мое предложение не оценили.

— Не все так просто, Торани. — Незнакомец в маске знал мое имя. — Вы крайне наивны, если полагаете, что спор был исключительно на словах. Мои друзья сведущи в магических договорах, и поверьте, условия, которые я подписал, не дадут мне схитрить или соврать об исходе ночей. К слову, в договоре мы прописали мотивацию и для вас.

Я подарила ему заинтересованный взгляд:

— То есть деньги, оплаченные за ночь, вы посчитали недостаточной мотивацией?

— Считайте их платой за исключение из правил, чтобы попасть к вам на две ночи. А эти, — он достал из внутреннего кармана пиджака сложенную вдвое бумагу, — вексель на ваше имя и триста тысяч вы получите, если сумеете меня соблазнить.

Я замерла, услышав баснословную сумму, способную сократить мой срок в борделе на несколько лет. И поняла одно: этот брезгливый сноб обязательно уйдет от меня, отраханный собственными желаниями.

— Вызов принят, — легко соблазнилась я, облизав губы. — Тогда предлагаю все же выпить за начало интересной игры. — И, словив очередной обеспокоенный взгляд стальных глаз под маской, добавила: — Не волнуйтесь, вино прекрасное и даже не отравлено. Его-то вы пригубить не побрезгуете?

Он покачал головой и даже сам потянулся к бутылке и штопору. Я же невольно залюбовалась фигурой незнакомца, красиво очерченной дорогим костюмом. Широкие плечи под пиджаком, мускулистая грудь под рубашкой и жилетом. Я оценивающе опустила взгляд вниз, задержавшись там, где скрывалось то самое мужское достоинство.

Не то чтобы я искала там что-то для себя новое, но мне вдруг стало любопытно, а не импотент ли часом мой высокоморальный гость или не комплексует ли из-за размера. Это бы многое могло объяснить. Однако выпуклость между брючин явственно намекала, что, даже находясь не в боевом настроении, достоинство незнакомца внушало уважение.

Я отвела взгляд и забрала у мужчины предложенный бокал. Вино оказалось терпким, оставляющим горьковатое послевкусие на губах. Не самое любимое, поэтому я отставила напиток в сторону и невинно поинтересовалась:

— Я бы хотела знать ваше имя, но думаю, вы не согласитесь его назвать. Может, придумаете любое? Мы ведь должны как-то начать с вами общаться.

— Аластар, — после недолгих размышлений ответил он.

Свое вино сноб пробовать не спешил, лишь после того, как я повторно отпила из своего бокала, немного пригубил напиток.

Я даже усмехнулась его подозрительности. Неужели он действительно думал, что в самом элитном публичном доме Панема станут рисковать репутацией и подливать возбуждающие снадобья клиентам?

— Аластар. — Я попробовала его имя на вкус, и оно мне понравилось. Пускай даже не настоящее. — У нас осталась одна формальность. Вы должны подписать договор об оказании вам услуг интимного характера. Это обязательное условие в нашем заведении.

Я материализовала перед ним бумагу и ручку. Если он не хочет дать мне шанс дотронуться до него по-хорошему, я буду действовать по-плохому. Все же его подпись на документе даст мне возможности и простор для действий.

Но моей уловке было не суждено сработать.

— Договор был подписан утром у Марджери, — сухо ответили мне. — Я дополнительно

внес пункт, позволяющий вам оставить «работу» невыполненной, а договор в любом случае исполненным.

Услышав такое, у меня пальцы невольно сжались в кулаки, а ногти больно врезались в кожу. Да как так?

Это, конечно, очень щедро и предусмотрительно с его стороны, но не тогда, когда мне нужны деньги. Своим глупым пунктом он лишил меня единственной лазейки. Самое обидное, что даже начни я сейчас перед ним самый откровенный стриптиз — это делу не поможет. Аластар проникнется ко мне лишь еще большей неприязнью и вообще не подпустит к себе даже на сантиметр. А мне был нужен контакт.

— Что ж, как хотите. — Я заставила договор испариться, заменив его зажигалкой и сигаретами. Заправила любимую вишневую в мундштук и склонилась над столиком, озвучив предложение: — Не затруднит ли подарить даме огонька?

Аластар с неохотой взял зажигалку и, черкнув колесиком, поднес крошечный светлячок к сигарете. Я с удовольствием затаилась и откинулась на спинку кресла.

Что ж, задача по-прежнему оставалась сложной: соблазнить этого ханжу так, чтобы завтра, захоти он добавки, моя магия на него подействовала; добыть деньги для подкупа гадкого докторишки, а заодно и рассчитаться с львиной частью долга Марджерри.

Жаль только, клиент оказался строптивым. Признаться, за три года я привыкла к более легким задачам, обычно мужчины на меня прыгали сами, ну или были не против, если на них прыгну я.

— Значит, — выдохнула я очередное дымное кольцо, понимая, что хоть какую-то беседу необходимо начать, — я вам глубоко противна?

— А вы самой себе не противны? — склонив голову, ответил он вопросом. — Не противно пропускать через себя сотни мужчин, дарить им поцелуи, позволять к себе потребительское отношение?

Наверное, будь я младше, не удержалась бы и от души высказалась о своих истинных эмоциях. Ведь этот вопрос затронул болезненную тему. Нет, противно мне не было, я уже давно не испытывала ощущений боли или унижения от своей работы. Иначе не сумела бы здесь выжить, но такая жизнь все же не была мечтой.

Я провокационно закинула ногу на ногу, специально обнажая коленку в чулочке.

— Ну что вы! — с хорошо скрытой злостью произнесла я сквозь улыбку, обещающую все страсти этого мира. — От своей работы я получаю массу удовольствия. А смысл моей жизни — деньги, и очень большие деньги. Никак иначе, ведь только так может быть у развратной шлюхи!

— Отвратительно, — бросил мужчина, отводя взгляд.

— Да что вы говорите? — притворно изумилась я. — Настолько отвратительно, что скучающие мужья сбегают сюда толпами от своих разжиревших и надоевших жен? Вероятно, они не согласны с вашим мнением!

Я внимательно следила за лицом Аластара, его мимикой, пускай и частично скрытой от меня маской, положением тела, движением рук и пальцев. Невербальные признаки очень часто помогали мне узнать о человеке гораздо больше, чем слова.

Аластар же при всей неприязни к ситуации выглядел расслабленно и уверенно. Даже находясь на моей территории, он не казался загнанным в силки зверем, скорее львом, которого временно перевозят в соседних клетках с вонючим скунсом... Скунсом была, к слову, я.

— Значит, ваши клиенты недостаточно воспитанны, чтобы сохранить верность и любовь к супруге, — упрямо заявил гость, заставив этим самым меня искренне и громко расхохотаться.

— Одну минуточку, — не выдержала я и поднялась с кресла.

Мне не терпелось показать этому снобу листовку, которую сегодня получила от «святоши» с улицы. Найдя бумагу, я вернулась в гостиную и протянула мужчине.

— Вы читайте-читайте! Можно даже вслух, — подбодрила его я.

— Что это? — недоверчиво спросил он, но руку в перчатке протянул.

— Обновленный кодекс правил современной дамы, утвержденный церковью в этом году.

Я с интересом следила, как Аластар вертит в руках бумагу, где с одной стороны была петиция о сносе Квартала Продажных Дев, а с другой — вышеназванный кодекс.

— «Раба Божия, помни! — начал он. — Муж твой — раб похоти своей и желания своего. Близость с тобой его греховна, а пути достижения блаженства Сатаной указаны.

Если муж настаивает на соитии, объясни супругу, что вожделение плотское — от Лукавого и подобное совершать можно лишь на четырнадцатый день Луны твоей во благо зачатия потомства. Любые же излишества для получения удовольствий грехом являются смертным, и постигнет за них кара Божия!»

На лице Аластара впервые за весь вечер расцвела улыбка. Прочитанное его явно забавляло.

— «Если муж настоял, не оказывай сопротивления. Закрой глаза и смиренно позволь ему развести ноги свои. Во время соития сохраняй лицо спокойным и читай молитву в очищение греха своего. Помни об осквернении души и тела, которое совершает муж твой. Когда закончит он, исторгни из себя вздох укоризненный, дабы осознал он похоть, дьяволом подаренную. — Смех все же сорвался с губ Аластара, однако каким-то невеселым он вышел. — Если во время соития ты, раба Божия, удовольствие ощутила, знай, это происки Сатаны, пустившего в тебя корни бесовские и готовящегося поработить душу твою. Следующий день ты должна провести в молитвах и пройти ритуал очистительный, исповедоваться отцу святому и внести плату в десять золотых на благо Церкви!»

Наконец гость отложил листовку в сторону, озадаченно цокнув языком. Сказать ему было нечего.

— Вы, наверное, не женаты, раз не знали о том, как приличная жена ведет себя во время брачных игр. — Я уже давно докурила сигарету и теперь стояла у окна, наблюдая, как первые лучи рассвета пробиваются через расходящиеся после дождя тучи. Ночное время пробежало удивительно быстро, и, едва солнце взойдет, Аластар уйдет, забрав с собой вожделенный вексель. — После прочитанного вы по-прежнему думаете, что такие, как я, ужасны и противны по природе своей?

— Даже стервятник нужен лесу, чтобы поедать падаль, — ответил аристократ, поднимаясь с дивана. — Что ж, ваше время на сегодня истекло, Торани. Стоит отметить, это было даже легко — остаться от вас в стороне.

Он забрал со стола вексель и спрятал его в карман, я же проводила бумагу взглядом и приободрила себя тем, что для меня на сегодня еще не все потеряно.

— Провожу вас, — произнесла тихим расстроенным голосом. Пускай этот самоуверенный тип расслабится и начнет праздновать победу.

Я поспешила в коридор, а он на правах гостя последовал за мной.

Это мой последний шанс на сегодня, от которого зависит, возможно, дальнейшая судьба.

Ведь мне, черт возьми, нужны эти деньги!

Я резко остановилась как вкопанная, не давая Аластару опомниться, и разрешила врезаться в меня по инерции. Он тут же попытался отстраниться, осознав, что произошло, но я оказалась прыткой. Развернувшись всем телом, я воспользовалась тем крошечным расстоянием, что нас разделяло. Сделала шаг навстречу, прижимаясь высокой грудью через тонкое платье к напрягшемуся мужчине.

— Неужели не нравлюсь? — шепнула я ему на ухо, проводя кончиком языка по чувствительной мочке.

Аристократ дернулся от моего прикосновения словно от электрического заряда, я же продолжала издеваться над ним так же, как и он весь вечер надо мной. Магия суккуба ожила, въедаясь пьянящими чарами в чужую душу.

Клиент попался в мою ловушку. Я прильнула к нему сильнее, прижавшись бедром к тому самому бугорку, который разглядывала вначале вечера.

— Ну же. — Я оставила горячее дыхание на щеке зарвавшегося аристократа. — Только представьте, господин Аластар, я могу исполнить любую вашу фантазию!

Я считывала его поднявшееся возбуждение, ловила напряжение кончиков пальцев, биение пульса и нервное дыхание. Мне нужно только, чтобы он представил. Чтобы мысли выдали его желания, и тогда я сплету самую сладкую иллюзию в его жизни.

— Я. До тебя. Не дотронусь, — сквозь небывалое усилие отчеканил он, грубо отталкивая меня. — Как бы хороша ты ни была.

Я ошарашенно упала на пол, больно приземлившись на попу.

Аластар же бросился к двери, рывком распахивая ее, и выбежал на улицу. Через полминуты я услышала рев машины, увозящей от меня аристократичного сноба и триста тысяч.

Я осталась одна в коридоре, не в силах осознать происшедшее.

Его брезгливость ко мне была настолько сильной, что даже несмотря на физическое возбуждение, он сумел сорваться с крючка.

И то, что он меня отверг, было половиной беды.

Теперь у меня не было денег на подкуп доктора. И даже мысль о том, что уже к вечеру Аластар изведется, опьяненный моей магией, приползет, умоляя провести с ним ночь, не приносила облегчения. Двадцать тысяч нужны были через несколько часов.

Я поднялась с пола, потеряла ушибленное место и отправилась снимать с себя скромный наряд развратницы. Мне было необходимо подумать, как выпутаться из сложившейся ситуации.

Под струями воды в душе соображать становилось легче. Как же я сглупила, не скопив даже маломальской суммы на черный день. Понадеялась, что с моим талантом он никогда не наступит, а если и наступит, то сумею выпутаться.

У меня даже не было украшений, которые можно сдать в ломбард. Весь мой интерес к драгоценностям всегда ограничивался их стоимостью в золотом эквиваленте и списанием своего долга у Марджерри. И все же смутная надежда достать деньги у меня оставалась.

Я выбежала из ванной, наскоро заплетая не высушенные волосы, схватила первое приличное платье в гардеробе, оделась и выскочила из дому.

Квартал уже начинал оживать. Первые лоточники прибыли на торговые места и выгружали свежий товар, уезжали задержавшиеся клиенты, и я спешила на другой конец улицы.

Домик Каролины стоял на самой границе с остальным городом. По приказу Марджери его даже выкрасили в серый цвет под стать столичным стенам. В отличие от пестрых домиков других девочек, жильё Каролины казалось блеклым, но в этом был свой резон.

Многие клиентки стеснялись приближаться к Кварталу, боясь осуждения окружающих. Но такая нетривиальная маскировка все же способствовала делу, и вечерами в сумерках у домика Каролины очень часто можно было столкнуться с таинственными фигурами, закутанными в плащи и незаметно проскальзывающими за дверь к искусительнице.

Сейчас, когда рассвело, я не боялась столкнуться с кем-нибудь из клиенток коллеги, поэтому без сомнений постучалась в деревянную дверь.

С обратной стороны провернулся ключ, вход немного приоткрылся, в щель показалась голова растрепанной Каролины. Девушка неуютно щурилась от яркого уличного света, но это не помешало ей округлить глаза, увидев меня.

— Заходи, — без лишних предисловий буркнула она и раскрыла дверь шире, предусмотрительно прячась за нее от взглядов случайных прохожих.

Я немного удивилась подобному, но когда дверь захлопнулась, поняла — Каролина встретила меня абсолютно голой. Видимо, решила не рождать лишних слухов.

— Моя сегодняшняя леди недавно ушла, — пояснила она. — А я не успела привести себя в порядок.

— Прости, — извинилась я. — Но, кроме тебя, мне не к кому обратиться.

Она смерила меня откровенно любопытствующим взглядом и махнула рукой, зазывая за собой в гостиную:

— Пошли, расскажешь, куда влипла.

Я немного помялась в коридоре, но проследовала за ней, скользя взглядом по тонкой фигурке. Каролина свой успех у дам сыскала не просто так.

Она шла по дому легкой поступью вышедшей на охоту тигрицы и невольно притягивала даже мой взгляд и пробуждала желание ее коснуться. В отличие от моей классической гостиной, интерьер ее дома был похож на уютный шатер. Множество подушек, разбросанных на пушистом ковре, десятки разноцветных тюлей, свисающих с потолка. Каролина ловко лавировала между материей, игриво лоя телом касания невесомой ткани. Полупрозрачная материя скользила по бархату ее кожи, играла приглушенным светом, искажала его новыми оттенками, которые придавали обстановке восточный колорит. Дразнящий запах сандала витал в воздухе, заставляя насладиться этим пьянящим ароматом и повалить Каролину прямо здесь на эти подушки, пробежаться пальцами по гибкому позвоночнику, заставить прогнуться в спине, вдохнуть запах дивных рыжих волос.

Я дернула головой, выметая из мыслей внезапное наваждение.

Что со мной? Я не была раньше замечена за подобными наклонностями.

— Лин, — окликнула я хозяйку дома. — Какого черта у тебя здесь творится?

На мгновение она замерла, явно не понимая, о чем я. Я же видела, как мышцы на чужой спине неуволимо напряглись, вызвав у меня противоестественное желание коснуться губами идеальной кожи девичьих плеч. Она повернула голову, взгляделась в мое напряженное лицо и стукнула себя ладонью по лбу, игриво рассмеявшись:

— Ой, прости. — Звонкий колокольчик ее голоса подействовал на меня одурманивающе. — Совсем забыла. Стой тут!

Она поспешила к стойке с дымящейся аромалампой и поспешила накрыть ее непроницаемым колпаком. Наваждение мгновенно схлынуло, заставив меня осесть на

подушки.

— С ума сошла, что ли? — испугалась я, когда поняла, как именно Каролина стимулирует своих клиенток. — Марджери тебя убьет за возбуждательные средства!

— Старуха в курсе, — отмахнулась девушка и накинула на себя халат, который до этого небрежно валялся на ковре. — Считай это спецификой клиентуры. Иначе многие дамочки будут просить подливать им чаю до рассвета, так и не решаясь снять с себя даже шляпку.

— Вот оно что, — протянула я, понимая, что невольно надышалась каким-то мощным афродизиаксом.

Стульев в гостиной у девушки не нашлось, поэтому пришлось устраиваться прямо на ближайшей подушке. К ней Каролина, как гостеприимная хозяйка, перенесла низкий столик с горячим чаем, а сама устроилась напротив меня.

— Оперативно, — невольно похвалила я ее прыть. — Можно закурю?

Каролина кивнула и в тишине, разбавленной лишь чирканьем зажигалки, разлила напиток в две чашки. От своей я отказалась, не любила этот напиток, но, с удовольствием затянувшись, выдохнула вишневый дым вверх. Его клубы смешались с тягучим паром от чая, поднимаясь к самому потолку и теряясь в переплетениях тюлей.

Мне требовалось собраться с мыслями, прежде чем решить, что можно рассказать подруге и как попросить у нее в долг.

— Так что тебя привело? — не выдержала она и первая нарушила молчание.

Я смахнула пепел в заботливо поставленную пепельницу.

— Каролин, я попала в небольшую неприятность, и мне нужны деньги.

— Так в чем проблема? — не поняла подруга, отпивая глоток. — С нашей профессией их несложно заработать.

— Мне срочно нужны деньги, — усилила я напор. — И так вышло, что их у меня нет.

— Ты разве сегодня не работала? — изумилась красотка.

— Не покладая рук работала. — В голосе невольно прорезалось раздражение на сегодняшнего клиента. — Но он оплатил все напрямую Марджери. Поэтому у меня нет ни медяка.

До Каролины начало доходить, что я хочу попросить у нее в долг.

— Хорошо, — непринужденно согласилась она. — Сколько золотых нужно? Сто? Двести?

— Двадцать... — тихо выговорила я.

Девушка всплеснула руками:

— И за подобной мелочью ты пришла?

— Тысяч, — добавила я, наблюдая, как вытягивается лицо куртизанки.

— Сколько-сколько? — Она явно решила, что ослышалась. — Двадцать? Ты хоть соображаешь, о каких деньгах идет речь?

О да! Еще как соображала.

Это я, как самая успешная и высокооплачиваемая, за ночь выручала от пяти до десяти тысяч. Даже двойная оплата от лордов-голубков оказалась большим для меня кушем. Что уж говорить о деньгах Аластара? А у остальных девочек дела шли не столь радужно. Особенно в условиях огромной конкуренции, где редкой удачей считалось получить за ночь две тысячи.

— Постой, ты ведь сказала, что проблема у тебя небольшая, — не успокаивалась Каролина. Она вскочила со своей подушки и принялась наматывать круги по гостиной, тюли из-за этого развевались и путались между собой. — Небольшие неприятности не требуют

подобных сумм.

— Я отдам, — тихо пообещала я. — Честно. Ты же знаешь.

— Могу я узнать? — склонив голову набок, поинтересовалась жрица лесбийской любви. — Куда мне не стоит ввязываться, чтобы не попасть в такие вот мелкие неприятности? Может, и мне подобные грозят?

Я отрицательно покачала головой.

— Тебе не грозит, — уверила я ее. — Так ты выручишь?

Вместо ответа тень сожаления отразилась на ее лице. Каролина подошла ближе и присела на соседнюю подушку.

— Не смогу. У меня просто нет такой суммы. Да и ни у кого из девочек не будет.

Ее слова заставили разбиться на мелкие осколки надежды выпутаться из этой истории с доктором.

— Дьявол! — выругалась я. — А сколько есть?!

— Пять, — призналась девушка. — Но это все мои накопления.

Я суматошно прикидывался варианты. Ее деньги плюс мои, итого шесть тысяч. Мало, но вдруг удастся уговорить докторишку подождать, пока я соберу всю сумму. Да и черт бы с ним, в этот момент я была даже согласна частично реализовать его старые извращенные мечты. От исполненного минета я девственность не потеряю. Да, проблююсь потом дома. Порыдаю в одиночестве в подушку, вычищу с зубов и языка вкус мерзкого члена и гадкой спермы. Но если мне не удастся с ним договориться, подонок выдаст Марджери мою тайну, и тогда на кон встанет гораздо большее, чем десять минут унижительного причмокивания и травмированное грубостью Френсиса горло.

— Дай, что есть, пожалуйста. — Я умоляюще посмотрела на девицу. — Я отдам.

Несколько мучительных мгновений она сомневалась, но, когда Лина с тяжелым вздохом поднялась и прошла вглубь дома, я испытала толику облегчения.

Вернулась она со шкатулкой, несла ее бережно и так же бережно поставила передо мной.

— Здесь оговоренная сумма, но мелкими монетами.

Я придвинула ларец к себе и поняла, что вся аккуратность обращения с предметом была обусловлена его неподъемным весом.

— Возможно, тебе стоит разменять где-то эти деньги на более крупный номинал, — добавила девушка, помогая мне взять ношу.

Я благодарно кивнула.

Конечно, с таким сундуком соваться к гаду будет минимум неосмотрительно.

— Иди уже, — подтолкнула она меня к выходу. — Пока я не передумала.

Заставлять повторять ее дважды я не стала, буркнув торопливо «спасибо», выскочила из домика на окраине Квартала.

Близость его расположения к городу сыграла мне на руку, я побежала в банк, где суетливые клерки посмотрели на меня словно на сумасшедшую, когда я потребовала срочно обменять пять килограмм мелочи на крупные купюры.

Через два часа мытарств и ожидания, пока неторопливый банкир пересчитает все монетки, разложит их по номиналу и уберет в специальные мешочки, мне выдали тугую пачку крупных купюр, которые я успешно смогла спрятать под платьем. С ней пройти на осмотр будет просто.

Едва вышла из банка и взглянула на уличные часы, поняла, что безнадежно опаздываю,

до полудня и встречи с доктором Френсисом оставалось двадцать минут, поэтому сломя голову я кинулась бежать к дому Марджери.

Я бежала, понимая, что уже не успеваю переодеться во что-то более приличное, переплести волосы в аккуратную прическу, да и вообще буду выглядеть растрепанной и запыхавшийся лахудрой.

Марджери будет очень недовольна.

Я долетела до порога ее дома, остановилась, кое-как пригладила руками волосы, но осознав, что этим сделала только хуже, вообще распустила их. Немного отдышалась, поправила сбившиеся юбки и поднялась по ступенькам. Я не успела коснуться стучалки-льва, как дверь распахнулась и обеспокоенный дворецкий Ричард торопливо втолкнул меня в дом:

— Ты где была? — зашипел он. — Все уже в сборе.

Времени объяснять причины не было абсолютно, поэтому, отмахнувшись, я тенью скользнула через холл в гостиную.

Там на нескольких диванах уже сидели жительницы нашего Квартала и внимательно слушали каргу Марджери. Хозяйка борделя стояла в центре комнаты и делала важное объявление. Рядом с ней находился незнакомый молодой человек. Я скользнула по нему невнимательным взглядом, отмечая для себя лишь его дорогой серый костюм. Сейчас меня больше настораживало отсутствие в комнате Фрэнсиса. Неужели тоже опаздывает?

— А вот и припозднившиеся, — не оставила незамеченным мой приход старуха. — Торани, с тобой я позже поговорю о дисциплине!

На меня неодобрительно покосились присутствующие, я же словила сочувствующий взгляд от Каролины и поспешила мышкой юркнуть к самому дальнему дивану.

Для полного счастья сейчас мне не хватало только выслушать недовольство владелицы борделя и получить штраф в наказание.

Подождав, пока я усядусь, Марджери продолжила речь, которую вела до моего появления.

— Итак, дамы. У меня две новости, не скажу, что обе плохие. Как раз наоборот, — пробрюзжала она. — Уважаемый доктор Фрэнсис безвременно почил от старости.

В гостиной раздался притворный «ах» сожаления, я же едва смогла сдержать радостный визг.

— Старикашку, несомненно, жаль, — продолжила Марджери и, устав стоять на ногах, присела в свое глубокое кресло. — Но я, признаться, давно хотела отказаться от его услуг. В последние годы Фрэнсис зарвался, выставя мне счета с баснословными суммами за осмотры и лечение вас, мои бабочки.

И не только за лечение. Я тоже этому гаду за сохранность тайны заплатила не один десяток тысяч. Не два и даже не пять...

— Поэтому еще десять лет назад я предусмотрительно отправила в Академию медицины несколько перспективных молодых людей обучаться врачеванию. — Она указала рукой в сторону незнакомца в костюме. — Знакомьтесь, доктор Деймон Стоун. Он будет постоянно жить и вести практику в нашем Квартале. Теперь вы сможете обращаться к нему за лечением и консультациями. Также, раз у нас появился собственный доктор, участвуют врачебные осмотры, проходить которые будет вашей еженедельной обязанностью.

Я с усилием сглотнула набежавший в горле ком горечи, не в силах переварить услышанные известия. Радость от смерти Фрэнсиса тут же испарилась в никуда. Появление

раз в полгода мерзкого старикашки устраивало меня гораздо больше, чем еженедельные осмотры. Они стали не просто ужасной новостью, а отвратительной.

Да, я сумею отделаться и обдурить докторишку сегодня, но что делать потом?

Незаметно для себя самой меня начинало колотить мелкой дрожью от нервного напряжения. Я взглянула на этого Деймона новым взглядом, стараясь приметить как можно больше деталей. Изучить врага и противника заранее.

Он стоял за спинкой кресла Марджери. Молодой. Ростом гораздо выше среднего, статный. С идеальной фигурой, которая еще больше подчеркивалась дорогим костюмом. Блестящие пуговицы жилета отливали серебром, контрастируя с белоснежной рубахой. Остальные девочки поедали взглядом лицо красавца, останавливаясь на сильном волевом подбородке и притягательных губах, которые так и манили к ним прикоснуться. А густые вихры темно-русых волос рождали желание зарыться в них пальцами и вдохнуть аромат. В руках доктор сжимал тонкую трость цвета агата со стальным набалдашником.

Чересчур симпатичен для моего будущего врага. В этот момент я осознала, что за следующую неделю я просто обязана выжить этого мужчину из нашего Квартала. Любыми способами.

Но судя по взглядам моих коллег, многие из девушек мое желание не разделят. На осмотр к доктору станут занимать очередь заранее, болеть чаще, а рецепты для противозачаточной микстуры будут подозрительно быстро теряться.

— Вот и славненько, — отметила восторг своих работниц Марджери. — Я думаю, вы быстро найдете общий язык. А сейчас я бы хотела, чтобы Деймон приступил к своему первому рабочему дню.

В гостиной раздался одобрителный ропот и хихиканье. Но Марджери быстро пресекла это веселье, со всей серьезностью заявив:

— Дамы, не делайте из меня дуру. Неужели вы думали, что в первый же день я брошу этого юношу вам на растерзание. На первом осмотре я буду лично присутствовать и смотреть как за вашим поведением, так и за его работой. Я хочу лично убедиться в квалификации доктора Стоуна.

Сегодня определенно не мой день. Одна новость хуже другой. Присутствующая в кабинете осмотров Марджери меня абсолютно не устраивала. Это не просто катастрофа, это крах!

Дрожь, бившая мое тело, стала сильнее. Захотелось пить. Я потянулась к графину с водой, стоявшему на ближайшем столике, и непослушными руками, стуча горлышком емкости о стекло стакана, налила спасительную жидкость. Но до рта донести так и не сумела, ослабшие пальцы выронили воду, расплескав ее по полу и платью.

— Ой, — испуганно пискнула я, когда присутствующие обернулись в мою сторону. — Простите, я сегодня удивительно неловкая.

Марджери смерила меня прищуренным и одновременно заинтересованным взглядом.

— Торани, — скрипуче произнесла она. — Давай-ка ты первая. Раз опоздала сегодня на наше мероприятие, тебе его и открывать.

Попытка возразить не удалась, голос отказывался меня слушаться, пропав и разрешив выдавить лишь невразумительное мычание.

— Чего ты там пищишь? — Карга сделала вид, что страдает глухотой. — Давай, топай в смотровую.

Понимая, что перечить бесполезно, и кое-как переставляя негнущиеся ноги, я двинулась

из гостиной к лестнице на второй этаж, именно там располагался врачебный кабинет. За минуту до меня туда поднялся молодой Стоун, за мной же с кряхтением следовала Марджери.

— Ну же! Быстрее переставляй ноги, — подгоняла она. — Ты что, не завтракала сегодня? Или не хочешь идти к врачу? Побыстрее, Торани, иначе я начну думать, что ты от меня пытаешься что-то скрыть!

После этой реплики я взлетела по лестнице и пулей вбежала в кабинет. Надежда, что удастся как-то выкрутиться, не покидала меня, а природная изворотливость искала пути выхода из ситуации.

— Госпожа Марджери, — пробормотала я первое, что пришло на ум. — Я не могу при вас, я стесняюсь!

На каргу это не произвело ровным счетом никакого впечатления, она, шаркая, дошла до единственного нормального стула в кабинете и, усевшись на него, заявила:

— Да будет тебе известно, милочка. Я приняла с десятков родов в годы молодости, поэтому можешь поверить, женских прелестей и не прелестей я насмотрелась вдоволь. Так что я последняя, кого ты можешь смущаться. — Она кивнула мне в угол у окна, где стояло женское кресло с распорками для ног. — Так что раздевайся и запрыгивай. Не теряй времени.

— Позвольте, — перебил ее доктор Стоун. Он уже успел накинуть на себя медицинский халат и надеть перчатки. — В этом кабинете я врач и сам скажу, когда и куда прыгать пациентке.

На мгновение я опешила от того повелительного тона, которым он все это произнес. Но еще больше шокировало то, как Марджери одобрительно усмехнулась и позволила ему командовать.

— Торани, так? — переспросил он, подходя ближе. — Идите за ширму и раздевайтесь. Мы начнем с общего осмотра и прослушивания дыхания.

От такого подхода я немного растерялась. Прежний доктор всегда лез заглянуть между ног, а уж про дыхание никогда и вопросов не было.

Однако, даже несмотря на подобные различия в методиках работы, облегчения это мне не принесло. Сняв платье и спрятав в складках ненужные купюры, я осталась в одном белье. Взгляд мужчины заставил зябко поежиться.

— Дышите. Не дышите, — приказывал он, прикладывая трубку к моей груди и сердцу.

Он посчитал пульс, заглянул в горло, посветил огоньком в глаза и только после этого произнес фразу, которой я так боялась: — А теперь на кресло.

Вот сейчас я окончательно осознала, что все потеряно. За непрекращающимся волнением и невозможностью совладать с собственными нервами, под взглядом Марджери, я никак не сумела бы очаровать доктора и внушить ему хоть что-нибудь, способное меня выручить.

Интересно, этот Деймон сразу на весь кабинет объявит, что я девственница, или сначала иронично посмеется над ситуацией?

Дрожа всем телом, я забралась на кресло, долго не решалась закинуть ноги на распорки, но суровый взгляд старухи заставил себя пересилить. Когда доктор подходил, я невольно зажмурилась, все мышцы непроизвольно напряглись, так что на лбу выступила холодная испарина.

Я прислушивалась к звукам, как молодой врач Деймон Стоун возится с инструментами,

которыми заглянет внутрь меня, как он подошел ближе, как его пальцы в перчатках коснулись нежной кожи складочек, развели их. И остановились.

Долгое и мучительное мгновение абсолютно ничего не происходило. Сквозь плотно сжатые веки, которые боялась разомкнуть, я видела лишь крошечную темноту. А жаркое местечко внизу чувствовало лишь мужские пальцы, замершие у самого сокровенного.

Прошло еще одно мгновение, показавшееся вечностью. Я с усилием приоткрыла глаза, чтобы понять, почему ничего не происходит. Но столкнулась с озадаченным и одновременно странным взглядом.

Доктор смотрел на меня со смесью эмоций: от полного шока до недоверия и изумления.

— Что-то не так? — нарушила молчание нетерпеливая Марджери. — Чего так долго возитесь?

Рука Деймона соскользнула с чувствительного участка, так и не начав положенный осмотр.

— Нет-нет, — ровным голосом произнес доктор. — Все в полном порядке. Девушка здорова.

Он выпрямился в полный рост и отошел на несколько шагов от меня. Я же, не в силах пошевелиться и взять себя в руки, продолжала лежать на кресле. Огромный ком надвигающихся слез застрял в горле, грозя заставить разрыдаться прямо здесь.

— Можете одеваться и уходить, — прозвучал отрезвляющий баритон Стоуна. — Но завтра загляните, я выпишу вам успокоительные капли. Вы слишком напряжены.

Кое-как совладав с собой, я сумела вылезти из кресла, зайти за ширму и дрожащими от напряжения руками облачиться в платье. Завязки долго не хотели поддаваться и складываться в узелки. А мертвенно-бледные от напряжения пальцы постоянно теряли шнурочки, так и не сумев их аккуратно завязать. Выходя из-за ширмы, я едва не забыла пачку денег Каролины. Единственным моим желанием сейчас было одновременно глотнуть свежего воздуха и закурить.

— И все-таки вы зайдите ко мне завтра, — уже у самого входа догнал меня голос Стоуна. — Успокоительное вам не мешает.

Я смогла лишь сдержанно кивнуть и пулей покинуть смотровой кабинет.

За дверью меня встретила стайка выстроившихся в очередь коллег, которые немедля засыпали десятком вопросов:

— Ну как?

— Не правда ли, он хорошенький?

— А пальцы нежные?

— Нежнее некуда, — рыкнула я и метеором промчалась вдоль всей очереди на выход из дома гадкой старухи.

Сбежала по лестнице, при этом едва не оступившись и не сломав себе голову, а, наконец, оказавшись на улице, с шумом вздохнула полной грудью.

Что это, черт возьми, было?

Почему он меня не сдал?

Он ведь все понял!

Десятки вопросов вращались в моей голове, оставаясь без ответов. Дымя вишневым дымом, я торопилась к дому, обдумывая по пути происшедшее. Докторишка определенно оказался ушлым. Я не верила в добрые порывы его души. Просто Стоун быстро сообразил, что я стану отличной дойной коровой, которую он будет шантажировать на протяжении

следующих недель, а при Марджерии решил предусмотрительно промолчать.

А капельки? Как же! Он не зря попросил меня зайти к нему завтра, ему явно не терпится озвучить сумму за это самое успокоительное средство. Интересно, сколько нулей она будет содержать? Два, три, четыре?

Я с гулким треском хлопнула входной дверью собственного дома. Злость, бессилие и страх перед неизвестностью переполняли меня.

Уверена, мне придется из кожи вон вылезти, чтобы покрыть счет, который он выставит за свое молчание. Поэтому сегодня необходимо не просто охмурить Аластара, а превратить его в безвольную тряпку под моими каблуками. Я должна получить этот вексель, и пусть он станет моей страховкой на черный день. Неприкосновенным запасом средств на экстренный случай.

Сразу с порога я отправилась в ванную комнату, где поспешила смыть с себя ужасные ощущения сегодняшнего дня. В голове медленно рождался план будущего вечера с аристократичным снобом.

Итак, что мы имеем? Этот спорщик любит играть, я ему до глубины души противна, а значит, даже если он станет изнывать от желания ко мне, муки совести все равно не оставят его в покое.

Неожиданно для себя я испытала желание не просто забрать у зарвавшегося типа деньги, но и унижить его. Так, чтобы все его выполненные желания до конца жизни преследовали и грызли душу.

Определенно нужно сделать так, чтобы Аластар переступил через свои принципы и сам совершил первый шаг.

Я выбралась из ванной и, накинув халатик, спустилась в кладовую. Тут до сих пор лежал так и не сожженный ковер. Я взглянула на него и махнула рукой. Потом избавлюсь. Не сегодня. Мой взгляд блуждал по многочисленным полкам и ярусам, где во множестве складировался мой, так сказать, «профессиональный инвентарь». Многочисленные смазки, дилдо и имитаторы различных цветов и размеров, плети, наручники, шелковые ленты, кляпы. Я вдруг задумалась, что из этого может мне понадобится, понимая, что — ничего. И тут мой взгляд упал на стопку книг, оставленных здесь живущей до меня предшественницей. Я потянулась к цветной обложке и, вчитываясь в название «Порочная страсть», поняла. Вот оно, то, что нужно!

Легкомысленный любовный роман, изобилующий откровенными сценами. А главное, рисунок на обложке, где томная полуголая дева прижималась к брутальному самцу, не оставлял никаких сомнений, о чем же пойдет сюжет.

На вечер я подобрала самое простое и неброское платье из всех нарядов в моем распоряжении. Полностью закрытое, из плотной темно-синей материи. Такие наверняка составляют основу гардероба всех приличных леди, проводящих свободное время за молитвами. Единственным украшением наряда служило пышное белое жабо и строгие манжеты. Волосы я собрала в высокую прическу, которую заколола на затылке. Минимум макияжа, лишь легкие, едва заметные тени на уголках глаз. Из бижутерии позволила себе скромные серьги-гвоздики с поддельным жемчужным камушком. Что поделать, настоящих драгоценностей у меня не было. Да и не особо они клиентов интересовали, мужчины ко мне не за разглядыванием ушек приходили.

Осмотрев полученный результат в зеркало, я коварно усмехнулась отражению.

Теперь мне оставалось только приготовить гостиную к прибытию особо

аристократичного сноба. А для этого мне нужен был чай, которого в моем доме не водилось все три года.

Пришлось вытащить несколько купюр из пачки денег и сбегать к лоточникам. Так за тридцать серебряных были куплены вкуснейшие миндальные печенья и самый элитный сорт черного чая. А еще, давя жабу в душе, раскошелилась на чайный сервиз из костяного фарфора. Ничего не поделатать, это сопутствующие расходы, которые я планировала сегодня окупить с лихвой.

За подготовкой гостиной и сервировкой стола время пролетело незаметно, я даже удивилась, когда напольные часы пробили одиннадцать.

Вместе с этим раздался нетерпеливый звук входного колокольчика.

Открывать я не торопилась, еще раз взглянула на себя в зеркало, прихватила предварительно раскрытую где-то на середине книгу и не спеша двинулась в холл.

Шла нарочито лениво, громко стуча каблучками, — гость ведь должен услышать мою поступь.

Открывая дверь, я состроила самое скучающее выражение лица и добавила к нему толику расстройства. Ведь Аластар оторвал меня от важного дела — я книгу читала.

Ночной гость, как и вчера, обнаружился закутанным в плащ, даже несмотря на то что погода сегодня была весь день преотличнейшая.

— Вы? — очень натурально удивилась я. — Признаться, после утреннего бегства даже не ожидала, что вы вернетесь.

Ох, как же я лукавила. Ожидала, еще как. Он же человек слова и чести, не мог поступить иначе.

— У меня спор, — коротко бросил мужчина и прошел в холл.

Как и вчера, он сам повесил плащ в гардеробную. Забавно, у меня уже коллекция его одежды в шкафу. Первый плащ он благополучно забыл, сбегая.

Я проследила за действиями брюнета в маске и, не размениваясь на любезность, вернулась в гостиную. Аластар ведь прекрасно помнит дорогу до нее, сам дойдет.

— Вы меня даже не проводите? — раздалось удивление мне вслед.

— А вам оно нужно? — откликнулась я. — Утром вы прекрасно дали понять, что я вообще не особо вам нужна. Так к чему эти лишние расшаркивания?

Я вернулась к своему креслу, прислушиваясь к его шагам за спиной. Сейчас нас разделяли метры, и я просто физически ощущала напряжение господина сноба, витающее в воздухе. Я демонстративно положила якобы недочитанную книгу на столик, где уже стояли остывший чайник и одинокая чашка.

— Как видите, я вас действительно не ждала, — равнодушно указала на скучную и тщательно продуманную мной сервировку. — Но если хотите чая, я принесу.

Стальные глаза под маской сверкнули в непонимании происходящего. Кажется, что-то пошло не по сценарию, на который изначально рассчитывал Аластар.

— А вы не очень гостеприимная хозяйка, как я замечу. — Он все же сел на диван, точно на то место, где расположился вчера. — Но от чая не откажусь.

— Как хотите.

Я забрала чайник, круто развернулась на каблуках и неохотно двинулась на кухню. Там так же неторопливо заварила душистый напиток, взяла еще одну чайную пару и вернулась в гостиную. Молча поставила перед гостем предмет, наполнила горячей жидкостью и вернулась к своему креслу.

— Если хотите, можете угощаться печеньем. — Я кивнула в сторону вазочки, сама же потянулась и забрала со столешницы книгу, чтобы тут же погрузиться в чтение.

Кажется, в этот момент у гостя разорвались все шаблоны в поведении продажных дам. Такими он нас точно не представлял.

Краем глаза я наблюдала, как он молча и уже без опаски берет чашку с блюдцем и делает неторопливый глоток. Прогресс налицо, он уже не боится, что я могу его отравить и воспользоваться его беспомощностью.

Допив до половины, мужчина отставил чай в сторону и демонстративно полез во внутренний карман пиджака. От меня не укрылось, как все это время он неотрывно следил за моей реакцией. Неужели ждет, что я кинусь раздеваться и охмурять его здесь и сейчас, едва увижу деньги? Ну-ну, пусть ждет дальше.

Я перевернула страницу книги и продолжила читать, даже не обратив внимания, как вексель на мое имя лег на стол.

Долгие минуты шли в полном молчании, я продолжала бегать взглядом по строчкам, временами хихикая над особыми ляпами в сюжете и смешными моментами. Закурила без разрешения гостя, скинула туфли на пол, забралась на кресло с ногами и устроилась поудобнее.

Перелистнула дальше. Страниц тридцать он держался, пока даже его воля не дала сбой:
— Так и будем играть в молчанку? — хрипло спросил он. Голос выдавал явное напряжение.

Я немного отвлеклась от увлекательной истории в романе и удивленно воззрилась на аристократа:

— Какую еще молчанку? Если вы еще не заметили, я не собираюсь с вами ни во что играть. А вот вы поступаете крайне невежливо, отвлекая меня от чтения.

— А как же ваша работа? Вы должны меня соблазнять.

— Должна? — Я немного повысила тон. — Вы что-то путаете, господин Аластар. По договору, который вы заключили с Марджерии, я ничего никому не должна. Более того, вы все оплатили, так что можете наслаждаться тишиной и выигранным у друзей спором. Я не смею вам мешать. — Закончив столь пламенную речь, я вновь уткнулась в книгу. Тем более что история, описанная там, действительно оказалась очень интересной — о запретной страсти рабыни и господина.

— А как же триста тысяч? — Он по-прежнему не осознавал, в какие условия я его поставила.

Я мельком взглянула на вексель и пожалала плечами.

— Всех денег не заработаешь. Вы же меня вчера назвали стервятницей, оттолкнули, всячески показали, что все мои усилия бесплодны. Поэтому я не вижу смысла даже пытаться. — И перевернула очередную страницу.

Еще полчаса прошли в молчании. Аластар, сопя, продолжал пожирать меня глазами. Наивный. Знал бы он, что это не его истинные мысли сейчас управляют его желаниями, а я искусно дергаю ниточки, пробуждая страсти. Запретный плод дразнил аристократа, а раздирающее душу возбуждение, словно дьявол, нашептывало наплевать на все принципы и коснуться моей фарфоровой кожи, заправить выбившуюся прядь за ухо, коснуться губами шеи, разорвать это дурацкое платье...

— Вчера вы были одеты иначе, — опять заговорил он.

Я громко захлопнула книгу и перевела на него раздраженный взгляд.

— А как, по-вашему, должна выглядеть женщина, находящаяся вечером одна дома?

— Ну... — замялся он, подбирая слова. — Вы же продажная...

— И что теперь? Следуя подобной логике, я должна щеголять голышом, вилять задом и растирать масло на груди, даже находясь наедине с собой? Открою вам секрет, господин Аластар, даже куртизанкам не чужды обыденные вещи. — От наигранной вспышки мои щеки покраснелись. Пришлось успокаиваться и искать потерянное место в книге, на котором я остановилась. — Пейте лучше чай, господин Аластар!

Руки в перчатках послушно схватили остывший напиток и тут же демонстративно вылили остатки чая на пол.

— Не смейте мне приказывать, — сквозь зубы прорычал мужчина, зрачки которого под маской опасно сузились, а дыхание участилось.

— Кажется, вы сейчас рискуете стать первым клиентом в истории этого заведения, которого куртизанка выставила за дверь! — Я медленно встала с кресла и, не утруждая себя надеть туфли, босиком двинулась к коридору. — Эту лужу необходимо убрать. Насколько помню, в гардеробе как раз завалилась ненужная и забытая кем-то тряпка. — Я специально сказала это сквозь зубы, вкладывая всю ненависть, накопленную за сегодняшний день, глядя прямо в глаза Аластари.

Зашла в холл, распахнула рывком дверь шкафа, сдернула с вешалки забытый им вчера плащ и вернулась в гостиную. Так же демонстративно, как он выливал чай, втоптала одежду в жидкость.

Ну же, сорвись, сволочь! Я же вижу, насколько ты близок к краю.

Он наблюдал за моими действиями и свирепел, руки невольно сжимались в кулаки, а губы в тонкую полоску.

— Ты... — прохрипел он, медленно вставая с дивана и нависая надо мной с высоты собственного роста. — Ты...

Только сейчас, без каблуков, я поняла, насколько он выше меня.

— Ну же! — Я смотрела на него снизу вверх, понимая, что разделяют наши лица буквально десять сантиметров. — Ударьте женщину! Я ведь продажная шлюха, такие, как вы, привыкли делать со мной, что заблагорассудится!

Сейчас бы мне хватило лишь привстать на цыпочках и поцеловать его губы, но я жаждала унижения Аластара, чтобы он сам перешагнул через все, что составляет его хваленую мужскую честь.

Ресницы под маской дрогнули, а глаза судорожно блуждали взглядом по моему лицу. Аластар громко втягивал воздух через ноздри, а я сквозь одежду ощущала жар, исходящий от его тела, и вожделение, которое съедало мужчину изнутри весь вечер.

— Ах да, — продолжала провоцировать я. — У вас же принципы...

— К чертям принципы, — выдохнул он, срывая мешающую маску и отбрасывая ее на диван. — Я больше не могу о вас думать...

Его руки легли мне на талию, с силой прижимая к себе, а губы жадно впились в мои, сминая их в пьянящем поцелуе.

Вырвавшийся стон стал одновременно неотвратимым доказательством моей победы и его поражения. Потерявший голову мужчина покрывал легкими поцелуями мои щеки и шею, сдвинув ненавистное жабо и нашептывая глупости:

— Я целый день не мог думать ни о чем, кроме тебя. Все мысли лишь о губах, до которых не смог пересилить себя дотронуться. Это какое-то наваждение. А твой запах... —

Он вытащил заколку, скрепляющую волосы, притянул несколько прядей и с шумом вдохнул их аромат. — Твой запах неумолимо преследовал меня с самого утра, словно ты рядом... Я искал взглядом и не находил, оборачивался, окликал прохожих женщин, вглядывался в незнакомые лица. Но никто из них не был тобой.

С полуусмешкой на губах я слушала всю эту прелесть, способную растопить любое женское сердце, даже прикрыла глаза, наслаждаясь моментом. Как удивительно и прекрасно, что моя магия смогла растопить и извести самого отъявленного сноба. Я позволила Аластару расстегнуть несколько крючков платья на спине, пусть еще немного развлечется, да и я не так часто слышала в свой адрес подобные комплименты.

Его рука скользнула под распахнутую материю наряда и, сминая ткань, стянула с плеча. Очередной поцелуй коснулся моих губ и дал сигнал красивой фантазии развернуться в сознании Аластара.

— Ты слишком нежна для этого места, — шептал он, скользя кончиками пальцев по позвоночнику моей иллюзорной копии и заставляя выгнуться ее тело дугой.

Та, ненастоящая я, таяла под его прикосновениями, позволяя увлечь себя на диван и избавиться от чересчур скромного наряда. Мужчина жадно ловил каждый ее стон, не мешая девичьим пальцам срывать пуговицы со своего жилета и расстегивать рубашку.

В реальности, едва одежда оказалась на полу, пуговицы с нее оторвала я, для достоверности происходящего.

— Я заберу тебя из этого места, — шептал Аластар, пока я пристраивала его на диване, чтобы не сшиб чего, находясь под воздействием.

Конечно! Заберет! Я горько усмехнулась. Эту реплику я слышала уже раз сто от различных клиентов, и что-то ни один не вспомнил о ней утром.

— Ты достойна большего...

Ага, и это я тоже слышала.

Мне даже стало грустно, что и Аластар сломался под напором моей магии. Было в этом нечто печальное, словно окончательно погибшая надежда на чудо решила воскреснуть, но все равно издохла в мучениях.

Даже самый стойкий сноб оказался похотливым слабаком.

Находящийся во власти иллюзии мужчина продолжал покрывать поцелуями мое тело, заставлял просить о большем и выгибаться ему навстречу. Аластару было не столь важно то удовольствие, которое он может получить от обладания вожденной женщиной, сколько доставить приятное ей. Он скользнул рукой по внутренней стороне моих бедер, легко отведя их в сторону. Я из его мечты жаждала ласки его пальцев, и не только пальцев.

— Скажи, что действительно хочешь меня, — прошептал он. — Что все это не за деньги?

— Да-да, — вслух отозвалась настоящая я, в этот момент как раз забирая вексель со стола. — Мне безразличны твои финансы, все только ради вечной любви.

Мне вдруг очень захотелось станцевать вальс, кружась в одиночку по гостиной и празднуя победу, но едва начавшееся веселье было грубо прервано звоном часов.

Едва взглянув на циферблат, я обомлела, осознавая, что почти упустила момент прошествия суток с начала действия магии. За окном уже всю брезжил рассвет, угрожая через несколько минут прервать мой иллюзорный спектакль на полуночи.

— Черт! — выругалась я и сделала первое пришедшее на ум — погрузила клиента в мимолетный сон, торопливо наполняя его память беспорядочными воспоминаниями.

Пускай у него с моей иллюзией все будет: и чувственная ночь любви, и совместное засыпание в обнимку. Увы, физически Аластар так и остался неудовлетворенным, хотя ради этого я бы даже пожертвовала обивкой дивана, но значит, судьба у него такая.

Пользуясь его сном, я стащила с него обувь и брюки. На мгновение замерла над трусами, так и не решившись снять.

Черт бы с ними! Пускай Аластар этого и не узнает никогда, но ни одна продажная женщина так и не осквернила его мужское естество.

Я отошла от дивана, полюбовавшись своей работой, и принялась ждать мгновения, когда магия исчезнет.

Оно не заставило себя ждать, через полминуты ресницы Аластара дрогнули. Мужчина рывком вскочил с дивана:

— Ваша маска, — ошарашила его приветствием и протянула ставший ненужным аксессуар. — Доброе утро, господин сноб! Кажется, вы проиграли спор.

Породистое аристократическое лицо вытянулось, отразив смесь растерянности и удивления, а я впервые с момента нашего знакомства спокойно и не отвлекаясь на магию смогла разглядеть Аластара.

Его измученные недосыпом глаза стального цвета в обрамлении густых длинных ресниц блуждали взором по гостиной, изучая обстановку. А смуглое лицо с правильными чертами и острыми, словно грани бриллианта, скулами было сковано недоверием. Я бы назвала Аластара даже красивым, если бы не проступающая гримаса отвращения к происходящему.

Сноб. Как есть сноб и ханжа.

А ведь на вид ему уже лет тридцать. Довольно зрелый возраст, что даже удивительно, ведь во многом непонятные для меня принципы мужчины теперь не казались юношеским максимализмом.

Первая растерянность окончательно покинула клиента, сменившись гневом и озлобленностью. Причем озлобленностью на самого себя.

Осознание произошедшего между нами навалилось на него, заставляя рухнуть обратно на диван и схватиться за голову.

— Не расстраивайтесь, — приободрила я, кладя рядом с ним поднятые с пола брюки, жилет, рубашку и пиджак. — Вы сделали лишь то, чего захотели сами.

— Ты подлила мне что-то в чай? — бесцветным голосом поинтересовался Аластар, не отнимая ладоней от висков.

В голосе все еще теплилась надежда, которую я немедленно разрушила.

— Нет, но, если не верите, можете сдать ваш плащик на экспертизу. Я думаю, он достаточно пропитался вылитым на пол напитком, чтобы маг-следователь сумел сделать выводы.

Этой фразой я заработала взгляд сверкающих гневом стальных глаз. Притягательное зрелище видеть человека, уязвленного собственным самолюбием.

— Значит, все ради денег? — Он обнаружил опустевший стол, откуда я забрала ценную бумагу.

В ответ лишь изобразила игривый реверанс:

— Отдельное спасибо за столь щедрую мотивацию. Я, как честная куртизанка, выполнила свою часть сделки. Вы до меня дотронулись, и не только дотронулись, руки у вас от этого не отсохли, а член не отвалился. Так что, как видите, я не прокаженная, как вы посчитали вначале.

— Ты хоть понимаешь, что натворила? — Вся брезгливость ко мне и обстановке вокруг полностью вернулась к Аластару. Он разглядывал собственные руки, трусы, тело, и я видела его желание отмыться от моих прикосновений с мылом. — Ты понимаешь?!

Я зло усмехнулась. Мерзко ему, значит. А как нашептывать глупости на ушко, тут ему было не мерзко.

— Разумеется, понимаю. Заработала триста тысяч. — В моем голосе звучал вызов. — Я вообще на этом диванчике много денег заработала. Поэтому даже хорошо, что после всего между нами случившегося вы на себя трусики натянули, а то испачкаться, поди, боитесь.

— Дура. Сука конченная! — прорычал брюнет, растеряв всю напыщенность и манеры аристократа. Кажется, произошедшее, наконец, окончательно накрыло его. Он остервенело пытался надеть измятую одежду и явно спешил покинуть мой негостеприимный дом. — На кону спора стояла моя честь! А теперь мне придется признаться, что я нарушил свое слово ради ночи с продажной девкой...

Я вскинула бровь в удивлении. Неужели он надеялся этим произвести на меня хоть какое-то впечатление, разжалобить или воззвать к моей совести? Можно подумать, это я к нему пришла с деньгами и упрашивала с ним переспать ради проверки моральных устоев.

Зря он попытался еще и меня виноватой сделать, этим только окончательно вселил желание унижить его до конца.

— Вам еще придется заплатить друзьям по счету, — напомнила я. — Насколько помню, на кону стояли огромные деньги.

— Три миллиона!

Я невольно присвистнула, но тут же яркая улыбка озарила мое лицо.

Даже привычная осторожность и правило не лезть на рожон не помешали громко расхохотаться:

— Выходит, вы такая же продажная сучка, как и я, господин Аластар. Только вы свою честь и достоинство оценили несколько дороже. Что ж, признаюсь, мне абсолютно не жаль, что ваш кошелек обеднеет на данную сумму. Как раз наоборот, желаю вам немного думать, прежде чем ввязываться в подобные авантюры. А еще испытать все прелести жизни отвратительного для самого себя человека. Вы ведь уже ненавидите себя, не так ли?

В ответ он просверлил меня испепеляющим взглядом, одновременно заканчивая застегивать пуговицы пиджака. Жилет так и оставался распахнутым, а я в очередной раз насладились собственной вредностью, что сумела оторвать от него все застегжки.

— Стерва! — Аластар подхватил с пола плащ и кинулся на выход из гостиной.

— А как же маска? Вас же могут узнать, а это станет ужасным клеймом на репутации такого достойного человека, как вы! — издевательски крикнула я вслед, но вместо ответа услышала лишь, как из гардероба забрали второй плащ, а затем грохнули входной дверью.

Тенденция, что уже вторую ночь подряд из моего дома клиент сбегает, сверкая начищенными ботинками, мне не нравилась. Сегодня необходимо срочно ее исправлять, надеюсь, в городе подобных Аластару клиентов более не найдется.

Я убрала со стола чайный сервиз, а так и недочитанную книгу отнесла в спальню. Продолжать ее изучение я планировала днем, после того как немного высплюсь и схожу в банк обналичить вексель.

Несколько минут под душем дали мне возможность немного расслабиться после затянувшихся на два дня боевых действий с Аластаром. А едва голова коснулась подушки, сон немедля одолел уставшее сознание.

Проснувшись от назойливого трезвона в дверь. Кто-то уже десять минут как стоял на пороге и упорно мучил входной колокольчик.

— Кого там черти принесли? — Я, позевывая, встала с постели, накинула халат и побрела открывать. — Надеюсь, это не сноб решил за маской вернуться...

Пока спускалась по лестнице, пыталась окончательно проснуться, но организм еще не успел восстановиться и требовал продолжить отсыпаться.

— Кто там? — подходя к двери, поинтересовалась я и уже приготовилась повернуть ключ в скважине.

— Доктор Стоун, мисс Фелз. Откройте, пожалуйста.

Холодный озноб мгновенно прошел мое тело, а рука невольно отдернулась от связки ключей, передумав открывать.

— Никого нет дома, — ляпнула я и тут же зажала себе рот рукой.

Вот дура! Невыспавшаяся дура!

— Очень смешно, мисс Фелз, — отозвались за дверью. — Но я принес успокоительные капли, поэтому вам в любом случае придется открыть.

Черт возьми! Дурацкий докторишка!

Я попыталась взять себя в руки и восстановить сбившееся от волнения дыхание. Удалось.

Я распахнула дверь и вымучила приветливую улыбку:

— Доброго утра, доктор Стоун!

— Вечера, — поправил он. — Доброго вечера, мисс Фелз! Уже четыре часа пополудни. — В его руках кроме вчерашней трости действительно обнаружилась литровая бутылка с биркой на боку. — Вы так и не пришли за лекарством, поэтому я решил взять на себя смелость и занести его самому.

Я глядела на те самые успокоительные капельки, судя по объемам которых, утомонить ими можно даже слона, не то что хрупкую меня.

— Проходите, — вежливо пригласила я и посторонилась, пропуская незваного гостя в дом. — Чаю?

— Благодарю, но нет. — Доктор прошел в гостиную и уверенно уселся на диван.

Вот уж кто не стеснялся испачкаться о мои интерьеры. Стоун чувствовал себя вполне естественно в гостях, и, не зная он мой маленький секретик, я бы даже не насторожилась его приходу, а действительно восприняла как добрый жест воли и желание отдать пациентке лекарство.

Я поплотнее закуталась в халат и села напротив в свое кресло. Как же так я проспала практически весь день и не успела не только в банк, но и деньги Каролине отдать? А ведь хотела забежать к коллеге. Да и подготовиться к следующему клиенту еще нужно.

— За лекарство спасибо. — Я бросила взгляд на пузырек. — Но не стоило утруждаться, я бы в любом случае зашла к вам завтра.

Доктор Стоун очаровательно улыбнулся и откинулся на спинку мебели. Он не выглядел мне угрозой, но только я все равно искала подвох в его поведении.

— Почему вы так на меня смотрите? — не выдержала я, а рука сама потянулась за сигаретой и зажигалкой. Заправлять курево в мундштук не стала, хотелось поскорее втянуть

тяжелый дым и почувствовать то лживое облегчение, которое он нес.

— Вы очень много курите, — наконец произнес мужчина. В голосе слышались явные нотки неодобрения. — Вы ведь молодая девушка, зачем гробить здоровье? Вам еще рожать, как-никак.

— Мое здоровье убивает эта работа. Курение же помогает немного скрасить столь медленное самоубийство, — парировала я. — Что же касается детей, я не собираюсь рожать.

— Почему? — На лице Стоуна мелькнул интерес.

— Не делайте вид, что не знаете маленького закона жизни куртизанок. Дети, рожденные в публичном доме, — собственность публичного дома.

Деймон невозмутимо кивнул — разумеется, он знал об этом.

— Так не задавайте же тогда глупых вопросов, — добавила я. — Мои дети или родятся не здесь, или не родятся вовсе.

Ответила чистую правду. Да в этом и не было особого секрета, логику, подобную моей, поддерживали многие девочки. По той же причине Каролина стала специализироваться на отношениях с женщинами. А после редких мужчин, которые к ней иногда заглядывали, литрами пила противозачаточные и абортные снадобья.

Но были и те, кто со мной не соглашался, особенно в нашем элитном борделе. Временами у той или иной девочки появлялся более-менее постоянный клиент, и тогда барышня, рискуя, делала ход конем. «Случайно» беременела и шантажировала клиента незапланированным наследником. А какому аристократу понравится скандал на весь Панем, где куртизанка во всеуслышание объявит результат анализов экспертного мага.

И временами такие игры срабатывали. Раз в два-три года к Марджери приезжали богатеи, внося огромные деньги выкупа за горе-мамашу и ее отпрыска. Тотчас бывшая куртизанка и ее ребенок получали свободу.

Но гораздо чаще эти истории заканчивались более печально: магический анализ не доказывал выгодного отцовства и барышня с ребенком отправлялась в заведение классом ниже нашего, где продолжала дорабатывать свой век. Либо сдавала чадо в приют и оставалась здесь, в Квартале Продажных Дев. Трех таких кукушек я знала и фактически не общалась с ними никогда. Противно было.

— И все же не курите, — попросил Стоун, с любопытством заглядывая в мои глаза. — Тем более, как я понял, у вас от беременности есть какие-то свои методы предохранения. Гораздо кардинальнее, чем абортное зелье.

Какой тонкий намек, я даже изумилась его столь витиеватой формулировке, ради интереса все же переспросив:

— А вы, собственно, о чем?

— О вашей девственности. Я ведь не слепой и не дурак, знаю, что видел.

Я попыталась сохранить невозмутимое лицо.

— Шлюха-девственница? — изумилась я. — Вы только Марджери не говорите, не то она подвергнет сомнению вашу квалификацию.

— А еще я лучший выпускник курса, — так же, как и я, невозмутимо парировал Стоун.

Что ж, отпираться более не было смысла, но вот попробовать соврать шанс оставался:

— Просто мои клиенты предпочитают менее стандартные способы близости.

— Да неужели? И никто ни разу за три года не захотел классики?

— Именно так. Просто я божественно отдаюсь сзади, а между собой мужчины называют меня королевой минета.

Молодой доктор призадумался. Примерно минуту он размышлял о чем-то неизвестном, пока не произнес:

— Любопытная версия. И все же в первый момент я засомневался в том, что увидел, и решил после всех осмотров заглянуть в медицинские карты, оставленные моим предшественником. Каково же было мое удивление, когда я заметил там многочисленные нестыковки. И не только у вас, Торани.

Я напряглась. Новость о том, что доктор Фрэнсис наверняка подделывал не только мою карту, меня не удивила, а вот то, к чему начинал клонить молодой Стоун, пугало до чертиков.

— У вас, пациентка Фелз, удивительный случай. В частности, первый в истории медицины. Восстановление утраченной девственности. Ведь судя по записям покойного Фрэнсиса, с нею вы уже давно расстались. Поэтому у меня следующий вопрос: зачем Фрэнсис подделывал вашу карту, если все именно так, как вы говорите? Ведь в таком случае вашу девственность афишировать надо, как самый редкий аттракцион для почтенных господ. Богатые встанут в очередь, чтобы отдать вам свои деньги.

— Они и так в очереди, — невесело буркнула я, понимая, что докторишка зажал меня в угол. Конечно, еще оставались варианты, ведущие меня в еще большую пучину лжи, но решила, что хватит. Стоун слишком хитер и проницателен, чтобы позволить себя обмануть. — Доктор, давайте начистоту. Назовите цену своего молчания, и закроем на этом тему.

— Цену? — Его брови поползли вверх от удивления. Кажется, предложения денег он искренне не ожидал.

— Пять тысяч, и вы забываете о моей девственности, не задаете лишних вопросов и уж тем более не даете для них повода старухе Марджерии.

Теперь Стоун выглядел не только удивленным, но еще и оскорбленным.

— Я не собираюсь брать с вас денег. Если вы так хотите, чтобы я молчал, я промолчу. Об этом стоило лишь попросить.

Вот теперь настала моя очередь удивляться. К благородству в своей жизни я не привыкла настолько, что даже в этом жесте невиданной щедрости искала подвох.

— Тогда что? Ночь любви? Вы, видимо, за этим сюда пришли. — Я поднялась с кресла и сделала шаг к доктору, по пути развязывая халат.

Материя мягко соскользнула с тела, упав на пол и оставив меня полностью обнаженной.

— Что вы хотите за молчание? — томно прошептала я, ища ответ в его темных как омут глазах.

Я развратно оседлала колени мужчины, широко разведя бедра. Стоун же с укоризной молча смотрел на меня, не отвечая ни на вопрос, ни на провокационные действия.

Пришлось прильнуть к нему сильнее, крепко прижимаясь животом и грудью, обвить руками шею и потянуться к губам.

— Нет! — Сильные руки легли на мою талию и словно игрушку сняли с себя, пересадив на диван.

Доктор Стоун встал, отряхнулся и неодобрительно покачал головой:

— Торани, вы, конечно, очень красивая девушка, но подобное даже при вашей профессии нахожу слишком откровенным и безвкусным совращением. Так что, пожалуй, воздержусь.

Я едва рот не открыла от удивления. Этот мужчина уже второй раз за вечер умудряется меня шокировать. Как так? Я потянулась к ниточкам суккубьей магии, которой вдруг

решительно захотела приструнить самоуверенного наглеца, но ничего не почувствовала. Они, словно оборванные, висели в воздухе прямо передо мной, бессильно покачиваясь, и никак не могли зацепиться за Деймона.

Я вдруг с ужасом осознала, отчего так произошло. Происходящему могло быть только одно объяснение, и оно меня не устраивало.

Стоун был явно кем-то из старых клиентов, но вот только моя память, на которую я никогда раньше не жаловалась, дала сбой, силясь его узнать.

Логика же подсказывала, что и сам доктор не ведет себя, как кто-то из моих бывших любовников. Иначе бы немедля воспользовался ситуацией.

Он поднял с пола халат и, обезоруживающе улыбаясь, протянул мне.

— Давайте договоримся с вами, Торани, — тихо произнес он. — Вы больше не прыгаете на меня голой попой, а я буду молчать о вашем секрете. Для меня это ничего не стоит, вам же это сэкономит нервы. Я же вижу, как вы переживаете из-за этого.

Кивать в подтверждении я не стала, мне удалось лишь гулко сглотнуть. От переживаний во рту стало подозрительно сухо.

— Вот и славно. — Он накинул халат на меня. — Я вижу, мы наконец поняли друг друга.

Нет. К сожалению, не поняли. Вот совсем. Я так точно ничего не понимала.

— Кстати, совсем забыл, — уже уходя из гостиной, вдруг обернулся он. — Не вздумайте принимать успокоительное в чистом виде, только разбавляя в соотношении три капли на стакан воды. В противном случае они подействуют чересчур сильно.

Я лишь кивнула в ответ. Мысли все никак не хотели приходить в норму, а тем более запоминать, как именно пить капли, но я сумела пересилить себя и, встав с дивана, пошла провожать гостя.

На прощание Стоун все так же расслабленно и поигрывая тростью заявил:

— Если вдруг понадобится помощь, я всегда рад помочь. И для этого не стоит предлагать мне оплату... ммм... натуральным, так сказать, способом. Будет достаточно обыкновенного «спасибо».

— Спасибо, доктор Стоун, — послушно кивнула я.

— Пожалуйста. И еще, Торани, у меня будет к вам маленькая просьба. Не могли бы вы обращаться ко мне просто по имени? Учитывая незначительную разницу в возрасте, я нахожу это более уместным.

И я вновь кивнула.

Проще согласиться, чем начинать бесконечные уточнения о возрасте доктора. То, что он был молод, я и так прекрасно видела, на год, быть может, на два старше меня. Вот только все равно не могла вспомнить, где же могла встречаться с ним раньше.

А спросить напрямую об этом я попросту боялась, Стоун мог начать задавать дополнительные вопросы, отвечать на которые мне не хотелось.

На прощание Деймон галантно поцеловал мою немного дрожащую руку, после чего покинул дом. Я же еще долгое время сидела на коврикe в прихожей, прислонив голову к стене и обдумывая случившееся.

Мысль о том, что впервые в жизни мне повстречался мужчина, который поступил со мной не по-свински, на мгновение согрела давно окаменевшую душу, но здравый смысл, никогда не покидавший меня, упрямо твердил поискать подвох.

Я существовала в мире денег, жестокости и цинизма, и здесь не было места панибратскому отношению и искренним улыбкам, за редким исключением таких, как

Каролина.

Доктора Стоуна в мой коротенький список не врагов я добавлять не спешила. Пускай первое впечатление о нем и складывалось положительным.

Запоздало пришла мысль, что бы я делала, если бы Деймон не отказался от моих «услуг»? Иллюзии суккуба не сработали бы, а значит, я рисковала всем.

Видимо, доказывала бы, что прозвище королевы оральных ласк заслужила не зря.

Я поднялась с коврика, вернулась в гостиную, где накапала себе успокоительного, немного превысив дозировку.

Перед рабочей ночью мне требовалась чистое сознание, крепкие нервы и ужин.

Пока ела наспех разогретый картофель, пролистывала блокнот с расписанными на месяц вперед клиентами. Из-за Аластара и его двух ночей все сбилось, и теперь многие заказы были под угрозой срыва.

Это одиноким мужчинам не сложно выкроить ночь для посещения жрицы любви, а многим почтенным женатикам приходилось выстраивать полноценные многоходовые схемы, чтобы проникательная супруга ничего не заподозрила.

К счастью, мой сегодняшний клиент на одну ночь оказался не из этих.

«Граф Тори, — вчиталась я в строки, написанные собственной рукой. — Восемнадцать лет. Ночь оплачена отцом, дабы помочь отпрыску познать женщину и не посрамить честь семьи в первую брачную ночь».

Имя невесты в моих записях не значилось, зато обнаружилась дата этой самой брачной ночи — через неделю. А еще короткая приписка: «Любит белье».

Я осуждающе поцокала языком. Не одобряла я подобные воспитательные методы родителей. Но заказ есть заказ, а значит, предстоит работа.

Решив, что к Каролине загляну завтра, отправилась подбирать наряд на вечер.

Раз клиент любит белье, то ничего плохого в этом я не узрела, вполне себе невинный, классический запрос.

Я подобрала черное кружевное белье с красными вставками, шелковые чулочки на подвязках, а сверху накинула алый полупрозрачный пеньюар. Отражение в зеркале меня устроило, разве только цвет пеньюара решила сменить на черный. В волосы вплела красную ленту, которая выгодно контрастировала, добавляя образу соблазна.

Надеюсь, первое впечатление у графа Тори обо мне сложится положительное.

Я еще немного покрутилась у зеркала, спустилась в гостиную и принялась ждать.

Надеюсь, хоть сегодняшний клиент меня не расстроит.

Я закрыла двери за графом Тори и едва со всей силы не стукнула от злости кулаком в стену.

Да что ж это за мужики пошли?!

Меня просто трясло от негодования, ибо все мои приготовления к приему клиента в итоге были сведены на нет.

Ну кто бы мог подумать, что безумному юнцу нравится белье не снимать с красивой женщины, а натягивать на свое тщедушное тельце.

Вот уж сюрприз ожидает его женушку, когда любимый муженек начнет воровать у нее из

ящиков трусики.

Я все же стукнула кулаком о стену и тут же запрыгала по коридору, баюкая ее от полученной боли.

Разумеется, молодой граф ушел от меня счастливым и удовлетворенным. Только вот когда дело дошло до исполнения его тайных желаний, я рассчитывала, что обойдется мечтаниями о классике в миссионерской позе, но Тори удивил.

В своих фантазиях он без стеснения стащил с меня все кружевное и шелковое бельишко, бессовестно напялил на себя и принялся предаваться активному рукоблудию.

Теперь к ковру, который необходимо сжечь, добавился еще и комплект чулок с пеньюаром.

Юному же извращенцу под утро пришлось объяснять, зачем именно меня нанял его отец, и, словно на уроке анатомии, показывать на живом примере, где и что графу нужно трогать у жены в первую брачную ночь.

— Грудь и сосок. — Я без стеснения приложила руку краснеющего графа к розовому ореолу. — С ними желательно нежно, если схватите сильно, вашей супруге не понравится.

— А может, этого не делать? — с надеждой в голосе спросил он.

— Нельзя, — почти рявкнула, понимая, что с данным индивидом можно только так. — И это еще не самое страшное.

— Знаю, — грустно отозвался паренек. — Я боюсь промахнуться... туда.

Пришлось закатить глаза.

— Поверьте, между ног у женщин есть только два отверстия, куда можно попасть. И если вы начинаете ломиться не туда, то супруга вас немедленно уведомит.

— А если я сделаю ей больно?

— Потерпит, вы, главное, не торопитесь, — попыталась успокоить его я. — И не пугайтесь, когда появится кровь. Это нормально.

Вот и вышло, что уходил от меня граф, бормоча шпаргалку, чтобы не забыть: «Потрогать грудь, не промахнуться мимо, не бояться крови», и для успокоения сжимал в кармане пиджака украденный у меня лиф.

Я вдруг очень захотела, чтобы через неделю Тори все же не упал в грязь лицом перед супругой. Дай ей бог сообразительности надеть на брачную ночь не панталоны размером с парус, а нормальное белье.

В любом случае, когда ночной гость меня покинул, я почувствовала в душе бесконечный раздрай и уныние. А еще усталость от той грязи, которая вокруг меня скопилась в последнее время. Я себя чувствовала тем самым снобом Аластаром, которому противны я, мой образ жизни и мои клиенты.

Пусть и запоздало, но совесть во мне все же проснулась и начала мучительную грызню.

Целый час я провела в одиночестве и сигаретном дыму, рефлексирюя о собственной жизни и понимая, как в ней разочаровалась.

Подобные состояния иногда находили на меня, но каждый раз я убеждала себя, что могло быть и хуже. Ведь ежедневно я балансировала на опасной грани, где могла единожды оступиться, и мой секрет будет раскрыт.

И каждый раз я выкарабкивалась из этого состояния, говоря себе, что, когда все закончится, начну новую жизнь. Тем более первые шаги к ней я уже совершила.

Я затушила недокуренную сигарету и притащила с чердака тубусы со своими чертежами и расчетами.

Вот моя отрада, та самая, которая заставляла жить и двигаться дальше. То, к чему я тяготела всей душой и стремилась воплотить в жизнь.

Чертеж первого в истории летательного аппарата без магии, на паровом двигателе. Название проекту я еще не придумала, но регулярно продолжала над ним работу.

Я не зря ночи напролет проводила в школьной библиотеке, самостоятельно изучая математические и физические науки. Механику и динамику пришлось осваивать также самой.

Инженерия оказалась сложнейшей наукой, но по опыту создателей первых машин я научилась черчению, старательно выводила формулы, ошибалась, исправляла, перепроверяла.

А еще иногда заходила в местный университет. Разумеется, Марджери бы не позволила мне обучаться в Панемском технологическом, но никто не запрещал милой леди иногда заходить на кампус, якобы к своему молодому человеку, и как бы невзначай заводить разговоры с профессорами.

За три года я успела завести дружбу с двумя почетными академиками. Мой лепет они воспринимали с улыбкой и не раз отвечали на волнующие вопросы, будучи уверенными, что общаются с глуповатой мечтательной девой.

Вот и сегодня, взглянув в очередной раз на свое незавершенную схему, поняла: мне нужны их советы. Без них никак не обойтись. Расчеты не сходились.

Собравшись, я выпорхнула на улицу. Вышла в город и, поймав паровой дилижанс, громко крикнула вознице:

— В Панемский технологический.

Мужчина в темно-сером сюртуке понимающе кивнул и без разговоров вывернул руль на соседнюю улицу. Мне оставалось лишь удобнее расположиться на прохладных сиденьях и разглядывать улицу просыпающейся столицы.

А через полчаса я расслабленно прогуливалась по университетскому парку, выискивая взглядом знакомые лица.

Полуденное солнышко уже начинало припекать, поэтому в попытке от него скрыться раскрыла кружевной светлый зонт.

— Леди Торани, — послышался знакомый оклик сзади. — Вы ли это?

Узнав голос, я радостно развернулась навстречу.

— Профессор Стормгольд. Рада вас видеть.

По дорожке парка ко мне спешил седой академик. Он опирался на старинную трость, но так торопился меня побыстрее догнать, что в его движениях невольно проскальзывала былая молодецкая удаль. Не желая утруждать старика, я сама поспешила ему навстречу.

Профессор озарил меня доброй улыбкой, а очки-половинки ярко блеснули в полуденном солнце.

— Давно вас не было видно. Мы с моим коллегой Лингштамом уже переживали, вдруг вы расстались со своим молодым человеком и теперь никогда не почтите нас своим светлым ликом.

Я невольно заулыбалась.

Все эти милые и добрые комплименты от старичков мне действительно льстили, тем более что джентльмены старой закалки, вероятно, были единственными, кто общался со мной, не ища интимного подтекста. Единственной страстью стариков была наука, я же приятно скрашивала их время незатейливой беседой.

— Ну что вы, профессор. — Я подхватил старика под руку, помогая ему идти. Он ведь уже пожилой, далеко за девяносто. — Я надеюсь еще долгое время навещать вас и этот университет.

— Завидую вашему молодому человеку, леди Торани. Будь я на его месте, давно бы женился на вас и не позволил гулять с другими мужчинами, пускай и престарелыми.

Я расплылась в новой улыбке. Все это было так мило, что я едва не забыла, зачем пришла.

— А где же профессор Лингштам? — поинтересовалась я.

— Вот-вот закончит вести пары, — отозвался энергичный академик. — Мы можем встретить его у второго корпуса.

— Разумеется, — согласилась с ним я.

Мы прошли по парковой дорожке, обсуждая невинные темы и свежие сплетни в обществе, а я в очередной раз испытала угрызения совести за ложь милому дедушке. Академик, как и его друг, искренне верил, что я дочь кофейного магната с юга Страны, а в столице живу у тетушки. Надеюсь, они никогда не узнают правду, она их слишком разочарует.

Едва по кампусу раздался звонок, объявляющий окончание занятий, толпы студентов вывалились на улицу из университетских зданий. Каждый спешил кто куда, подчиняясь всеобщей суете. Мы же дождались, когда на пороге старинного здания появится Лингштам, и направились к нему.

Профессор был лет на десять моложе своего коллеги Стормгольда, но при этом выглядел не менее старым и умудренным опытом. Седые волосы и тонкая бородка придавали его лицу черты настоящего интеллигента.

— Леди Торани, — обрадовался он и галантно поцеловал ручку. — Рад приветствовать.

Я присела в легком реверансе. Столь милая старомодность заставляла меня восхищаться манерами этих людей. Как жаль, что молодость от них ушла. Наше поколение многое потеряет с уходом таких представителей человечества.

Втроем мы вернулись обратно в парк, по пути зайдя в студенческую столовую и прикупив хлеба для голубей. В глубине парка нас уже ожидала давно примеченная лавочка, где мы всегда садились и кормили птиц, обсуждая научные статьи и новости.

— Вчера вечером я читала газету. — Я ненавязчиво повернула разговор в нужное мне русло. — Там некий чудак строит летательный аппарат и на полном серьезе утверждает возможность поднять тонны металла в воздух.

Лингштам призадумался:

— Теоретически вполне возможно. Однако нужен мощный генератор магического поля, способный удержать такой вес.

— Вы не поняли, — дополнила я. — Поднять без магии. Исключительно силами механики.

— Невозможно, — возразил Стормгольд. Он как раз крошил очередной кусок хлеба голубю, а тот лениво ковылял к вожделенным крошкам.

— Почему же? — Я притопнула ногой, пугая птицу и заставляя ее отлететь на несколько метров. — Она же без магии летает, значит, теоретически и машина может.

— Да, но... — Лингштам осекся. — У птиц очень сложны механизмы управления. Все, начиная от хвоста и до кончиков перьев, работает и управляет полетом. Даже незначительный поворот головы важен. Торани, обратите внимание на обтекаемость тела этой птицы.

Я взглянула на голубя, стараясь подметить нужные детали.

— Острый клюв, гладкие линии головы, отсутствие ушей, мягкие перья — все призвано, чтобы погасить сопротивление воздуха. Эти механизмы природа создавала миллионы лет. Даже кости этой птицы не похожи на привычные аналоги используемых нами материалов. А поднимаясь в воздух, это существо испытывает сильные нагрузки, которые могут быть несовместимы с человеческим организмом. Так что автор статьи всего лишь наивный мечтатель.

Я сделала вид, будто не обиделась, но упрямо продолжала гнуть свою линию.

— А если теоретически?

— Теоретически этому мечтателю необходимо добиться, чтобы давление воздуха под крылом было больше, чем над крылом его аппарата. Если сумеет, то, возможно, данная машина поднимется в воздух.

Я запомнила хороший совет.

— Также в статье шло обсуждение материалов данного устройства. Сталь, алюминий, титан или, может быть, легкие породы дерева?

Теперь задумались оба профессора, после чего категорично выдали:

— Дерево не подойдет ни в коем случае, разве что для незначительных деталей. Слишком хрупкое для возможных нагрузок. Материалы должны быть не только прочными, но и устойчивыми к перепаду температур. Ведь путешественники на воздушных шарах отмечают нередкое обледенение корзин уже в полукилометре над землей.

— Я бы также посоветовал в качестве усиления конструкции и облегчения ее веса использовать полые трубы, — добавил к сказанному коллегой Лингштам. — Лучше из титана, он прочнее алюминия. Однако, судя по характеристикам, проект обойдется создателю в крупную сумму денег, я даже не могу представить, кто возьмется профинансировать столь амбициозный и безрассудный проект.

Я едва не прикусила язык. Деньги — большая тема в моей затее. Шесть миллионов только по небольшим прикидкам, учитывая возможные испытания и провалы. Но я собиралась быть упрямой и, получив свободу, обить все пороги богатых меценатов в попытке получить финансирование.

— Я думаю, это уже проблемы самого мечтателя, — решила свернуть тему я. Не хватало еще, чтобы мои почтенные академики догадались о чем-нибудь.

— Но я знаю одного безрассудного парня, такое вполне в его духе, — неожиданно озвучил Стормгольд, сверкнув очками-половинками.

— И кто же? — невольно вырвалось у меня.

— Мистер Фокс — наследник Генри Фокса, создателя первого автомобиля. Богатый и очень рискованный человек, я думаю, он вполне мог бы ввязаться в эту авантюру и выделить необходимые средства.

Я мысленно поставила еще одну галочку, запоминая нужную фамилию. К мистеру Фоксу тоже наведуясь. Обязательно.

Мы еще проболтали полчаса, я задала еще несколько ничего не значащих вопросов и поняла, что пора завершать столь приятную беседу.

Академики отпускали меня неохотно и потребовали обещание зайти к ним на следующей неделе. Пришлось согласиться.

Покидая кампус, я еще раз тоскливо взглянула на манящие башенки старинного здания университета. Как жаль, что мне никогда не посчастливится здесь обучаться.

— Ты специально сказал ей про Фокса? — Лингштам докармливал последним кусочком хлеба уже порядком объевшегося голубя.

— Конечно. — Академик в очках с трудом встал со скамейки. — Она замечательная, умная девушка, и мне хочется ей помочь. Тем более она так мило пытается врать о несуществующем молодом человеке, к которому приходит, и стремится к знаниям, что мое сердце разрывается, когда я не могу помочь ей чем-то более существенным, чем совет.

Лингштам задумчиво и очень грустно усмехнулся. Им с коллегой пришлось перерыть всю картотеку с данными студентов Панемского университета, чтобы понять — никакого Артура Дойлинга, вымышленного парня Торани, нет и никогда не было в стенах этого заведения.

— Как думаешь, она когда-нибудь решится показать нам чертеж?

— Нет. — Стормгольд покачал головой. — Слишком боится признаться в том, как сильно завралась. Пускай лучше девочка и дальше продолжает думать, что мы, два старых дурака, ей верим.

— А мы и верим. Верим, что когда-нибудь она все же построит эту невероятную машину.

Прошла неделя спокойной жизни. Клиенты стали менее проблемными и уже не вызвали приступы бешенства и апатии после их ухода. В один из дней я заглянула к Каролине и вернула ей долг. Девушка лишь удивилась, как быстро мне удалось собрать нужную сумму, на что я честно призналась, что мне она просто не пригодилась.

Приближалась дата нового осмотра у доктора, и я начинала заметно нервничать. Даже если он не спешил все рассказывать Марджерии, меня все равно пугала неизвестность.

Я силилась вспомнить, где же мы могли с ним встречаться ранее, но безуспешно. Не помнила. А решение спросить у него самого далось мне с огромным трудом.

Я долго и мучительно выстраивала в голове предположительный ход разговора, просчитывала ответы, пока не определилась с окончательной тактикой. Стоун слишком умен и не купится на банальные заигрывания, на дешевую лесть или огромную взятку. Доктор прекрасно дал понять, что с ним можно лишь поговорить. Для начала хотя бы поговорить.

Плановый осмотр был назначен на завтра, но я уговорила себя и решила отлучиться сегодня.

Долго крутилась у зеркала, примеряя наряды, пока не остановилась на синем бархатном платье с множеством нижних юбок и кучей застёжек. Не самый удачный наряд для осмотра, но я планировала выглядеть красиво.

Несмотря на палящее солнце, на улицу вышла без зонта и шляпки, ведь до домика, где обосновался Стоун, было несколько минут неспешной ходьбы.

Я легко миновала половину Квартала, дошла до такого же двухэтажного домика, как мой, и остановилась в нерешительности.

Раньше здесь жила Миранда. Но годы шли, и едва поток ее клиентов стал иссякать,

Марджери подсчитала, что содержание не приносящей доход куртизанки стало нерентабельно, и Мира отправилась в бордель классом ниже, в подобный тому, где родилась я. На момент ухода коллеге было лишь тридцать пять.

Ее домик почти не изменился, разве что на дверях появилась черная табличка с золотистыми буквами: «Доктор Деймон Стоун. Часы приема: 8.00–15:00».

На мгновение мой взгляд резанула какая-то нестыковка в этой надписи, но, даже трижды перечитав, не поняла, в чем именно.

Откинув сомнения, я взялась за ручку и потянула дверь, в приемное время она всегда была открыта. Мне лишь оставалось миновать холл и пройти в гостиную.

Как я и думала, на таком же, как у меня, диванчике обнаружили сидящие в очереди дамочки в количестве двух человек. По закону подлости — Ребекка и Зои.

Разворачиваться и уходить было уже поздно, поэтому, коротко поздоровавшись, пришлось усесться от них на другой конец дивана.

Но вместо уже ставших привычными подколок они одарили меня задумчивыми взглядами и тут же забыли о моем существовании. На мгновение мне показалось, будто Зои чем-то расстроена, а Ребекка с ней тут лишь за компанию, для моральной поддержки.

Уточнять я, разумеется, не стала. Не мое дело. Но когда Зои зашла к доктору, а через десяток минут выскочила от него пулей, размазывая на ходу слезы, я насторожилась.

Неужели заболела чем-то серьезным? Для таких, как мы, это непоправимая катастрофа. — Следующая, — раздалось из-за двери.

Я поднялась с дивана и прошла в кабинет, прикрывая за собой двери.

— Доброго дня, доктор Стоун, — поздоровалась я.

Деймон сидел за столом и вносил какие-то данные в медицинскую карту предыдущей посетительницы.

— Торани? — На мгновение он удивился, отвлекшись от заполнения документа, но тут же исправился. — Мисс Фелз, рад приветствовать. Не ожидал увидеть вас здесь на день раньше.

— Решила не идти в общем потоке. — Я присела на стул напротив. Теперь нас разделял только письменный стол. — У вас завтра и так будет много работы.

— Очень мило с вашей стороны, — тактично поблагодарил он. — Тогда начнем. Жалобы есть?

Я отрицательно покачала головой.

— Ваши капли помогли, мне стало намного лучше.

— Я рад. — Он вышел из-за стола, на ходу извлекая из кармана слуховую трубку. — У вас сегодня весьма замысловатое платье. Не желаете снять? Иначе я не смогу начать осмотр.

Пока я раздевалась за ширмой, Деймон подошел к окну и задумчиво уставился на улицу. Я подглядывала за ним, немного приподнявшись на цыпочках. Мне необходимо было разгадать загадку, ответ на которую неуловимо ускользал от меня.

— Доктор Стоун, а мы с вами нигде раньше не встречались? — наконец осмелилась спросить я. Крючок на спине неожиданно решил заклинить, и теперь, пыхтя, я сражалась с непослушной застежкой платья. — Ваше лицо кажется мне знакомым.

— Встречались, Торани, — эхом отозвался Стоун; он немного поправил занавеску, чтобы солнце не так сильно освещало кабинет. — Я думал, вы сразу меня узнаете.

— И где же? — Глупая застежка упорно не сдавалась, из-за чего мой голос получился несколько сдавленным.

Теперь я не могла подглядывать за Стоуном, а вертелась юлой, не в силах совладать с предательским нарядом.

— В прошлой жизни, — неожиданно раздалось за моей спиной. Его тихий вдох обжег своим звучанием. — И я же просил называть меня по имени.

Я искренне недоумевала, как ему удалось преодолеть те метры, что нас разделяли, столь быстро и беззвучно.

Мне вдруг стало очень неловко, что он видит меня такой, нелепо скачущей, словно сорока, играющая с блестящей пуговицей. Только я не играла, а крючок действительно заел.

— Давайте помогу. — Теплые пальцы коснулись шеи, скользнули по позвонкам вниз, вызывая ворох мелких мурашек, пробежавших по моей спине.

Я мгновенно напряглась, спиной ощущая близость и жар этого мужчины. Его ладони легко убрали мои пальцы от злосчастной застёжки и заставили руки безвольно повиснуть вдоль тела.

— В п-прошлой жизни? — невольно запнулась от волнения я, хотя раньше никогда не замечала за собой склонности к заиканию. — Насколько далекой?!

— Бесконечно далекой. — Чужое дыхание опалило мой затылок. — Настолько, что я искал тебя десять лет.

Я вздрогнула.

Не может быть!

Деймон. Деймон Стоун.

Вот что мне не понравилось на табличке входной двери. Отсутствие второго имени, как и у всех мальчиков, рожденных в публичных домах, с неизвестным отцом.

Девочкам в этом отношении было проще. Второе имя бралось по матери, например, как у меня — Торани Магдалина Фелз.

У Стоуна же отец был неизвестен.

— Догадалась? — склонившись над ухом, прошептал он.

Крючок щелкнул, ломаясь под его пальцами.

— Дей, — одними губами произнесла я.

В памяти всплывали бесконечные образы первого мальчишки, попавшего под действие силы молодой тренирующейся суккубы.

Ему было пятнадцать, на два года старше меня. Вихрастый, худой, болезненный. Сверстники издевались над ним, не принимали в свои мальчишеские компании и игры. Дей никогда не бегал с палками, не избивал кошек, предпочитая сидеть в углу и читать книги. А еще я помнила огромные очки-лупы на его худощавом лице.

В тринадцать лет он казался мне идеальной жертвой.

Я боялась, что первая иллюзия может не выйти, и тогда кто-то из мальчишек поопытнее побежит рассказывать остальным, и меня засмеют как девочку, которая полезла целоваться первой. Дей же подходил. Он был молчаливым и стеснительным. Да и не поверил бы ему никто. Где это видано, чтобы таких неудачников, как он, целовали?

В ту ночь он читал старую потрепанную книгу, одну из тех, что иногда покупала ему мать. Читал уже по сотому разу, затирая до дыр измятые страницы. В темном чулане, где единственным источником света была чадающая свеча. Никогда не забуду, как его очки обвинительно сверкнули, когда я вломилась в его тайную обитель и, отшвырнув книгу в сторону, зажала паренька между собой и стеной.

Подражая тем, на кого так часто смотрела в жизни, развратно прильнула своим

несозревшим тельцем к нему и впилась в холодные от волнения губы. Он забился, словно хрупкая бабочка, попавшая в сети паука, но я не позволила прервать контакт. Мне был нужен опыт, и я, как юная хищница, не могла упустить жертву. Дей тогда бессильно обмяк подо мной, погружаясь в пучину грез, которые, как мне показалось, никогда не сбудутся.

Где он успешный, добившийся всего сам, свободный, с любящей женой, у которой мое повзрослевшее лицо. В мечтах он был уверенным, сильным, резким, напористым, страстным. Мог взять то, что хотел. И брал это.

Несколько следующих недель Дей ходил за мной словно собачка, жадно ловя каждое мое слово. А потом приехала Марджери и забрала меня в школу, чтобы воспитать идеальной куртизанкой.

Я медленно возвращалась из воспоминаний, не в силах поверить, что Дей из моих воспоминаний и Деймон Стоун один и тот же человек.

— Старуха приехала за мальчиками через месяц после того, как увезла тебя. Тех из нас, кто был посильнее и поглупее, она продала на стройку, на меня же долго смотрела, ломая голову, как поступить. — Его голос дрогнул, делясь этим моментом своей жизни. — Марджери увидела ту самую книгу, которую я прятал за спиной, и приняла решение, ставшее судьбоносным. На свой страх и риск она отдала меня вначале в обычную школу, а когда же я стал лучшим — в Медицинскую академию. — Он по-прежнему стоял за моей спиной, положив ладони на плечи. — Я искал тебя все эти годы, Тори.

Он уткнулся носом в мою макушку и медленно вдохнул тягучий аромат волос.

Я же боялась даже пошевелиться. То, что я услышала, было невозможным, невероятным. Еще более невероятным, чем наличие девственности у шлюхи.

— Но ведь очки, — рассеянно пробормотала я. — Где твои очки?

— Легкое магическое вмешательство, и зрение исправилось.

— А тело? Ты был... — Я попыталась аккуратно подобрать менее обидные слова, но не вышло. — Заморышем.

— Тренировки. У меня была достаточно сильная мотивация, чтобы стремиться к переменам.

И я даже догадывалась какая. По неопытности я многое не стерла из его воспоминаний той ночью и сейчас очень боялась услышать то, что скажет доктор.

— Я помню каждый миг видения, который ты мне показала. Я думал, это лишь глупый сон, тем более что он потом долгие годы преследовал меня наваждением. Но нет... Я потратил сотни ночей на разгадку этой тайны, и ответ меня шокировал.

Роли изменились, теперь я чувствовала себя птичкой, попавшей в охотничьи силки, — бессильно затрепыхалась в попытке вырваться из его рук, плотно держащих меня за плечи.

— Я не верил, это было невозможным, — продолжал шептать Стоун мне на ухо, не обращая внимания на попытки освободиться, — но осмотр на прошлой неделе окончательно убедил меня. Я знаю, кто ты есть, Тори! — Его губы неумовимо коснулись моего уха. — И я никому об этом не скажу.

Его пальцы разжались, отпуская из этих страшных объятий. Я словно от огня отскочила от мужчины, по пути сшибая плечом неустойчивую ширму. Тканевые рамки зашатались и с грохотом рухнули на пол.

Единственным желанием сейчас было сбежать из кабинета, да и вообще из борделя Марджери. Меня раскрыли. И кто? Выросший очкарик, которого я десять лет назад даже за мужчину не считала. Я даже его настоящей фамилией не интересовалась, и, как сейчас

выяснилось, зря. А ведь это помогло бы мне раньше понять, с кем имею дело.

— Кажется, мне пора, — пролепетала я, подцепляя руками многочисленные юбки платья.

— Нет. — Деймон перегородил своей мощной фигурой двери. — Ты сейчас никуда не пойдешь.

Его голос был тверд как сталь и пугал меня этими уверенными нотками до чертиков. Чего он хочет? Сейчас он походил на маньяка, нашедшего свою жертву. Он искал десять лет, приложил усилия, чтобы стать лучшим и найти меня.

Что им, черт возьми, движет?

А если я что-то повредила в его сознании десять лет назад и Деймон свихнувшийся преследователь? Что, если он сейчас набросится на меня прямо здесь из желания обладать и изнасилует?

В этот момент я испугалась. Даже его обещания и уверения в том, что он сохранит мою тайну, не смогли меня убедить. Передо мной враг!

А от врагов нужно держаться подальше.

Я суматошно блуждала взглядом по кабинету в поисках того, что могло послужить мне оружием. Взор зацепился за набор врачебных инструментов, из которых я вытащила самый похожий на нож.

— Торани, положи ланцет, пожалуйста. Поранишься.

На мгновение мне показалось, будто я сейчас с мамой разговариваю, таким заботливым тоном это было сказано.

Деймон отошел от двери и, выставив вперед руки, медленно двинулся ко мне.

Он показывал мне пустые ладони, словно надеялся, что я поверю в его безобидность. Но я лучше многих знала, сколько силы и грубости может таиться в мужских руках.

— Да что же ты как загнанный зверек? — прошептал он, все так же медленно подбираясь ко мне. — Тори, я не собираюсь причинять тебе зло.

— Отпусти. — Я махнула перед собой лезвием, предупреждая, что ко мне лучше не приближаться. — Зачем тогда перегородил дверь?

— Чтобы не натворила глупостей. — Он остановился в метре от меня. — Ты ведь уже хотела бежать и собирать вещи, а знаешь, что будет, если нарушишь контракт с Марджери? Боль. Адская боль. Она скует тебя и позволит лишь скулить, моля о пощаде.

— Боль уже была, — огрызнулась я. — Я уже сбегала.

— Тогда тем более не стоит глупить.

Он сделал короткий шаг ко мне, но был прерван моим шипением:

— Я же сказала, не подходи.

В следующий миг я даже не поняла как, но молниеносным движением он выбил нож из моих рук, перехватил за запястья и с силой притянул к себе, не давая шансов выбраться и уронить в схватке еще что-то, кроме ширмы.

Я вновь забилась в попытке обрести свободу, извернуться и укусить его, наступить каблуком на ноги. Сделать все, лишь бы убежать из этого кабинета, подальше от Стоуна. А он словно пушинку перенес брыкающуюся меня на гостевой стул, попутно зажимая рот, чтобы не орала, усадил и, глядя в глаза, произнес:

— Хватит. Прекрати истерику! Сейчас я отпущу тебя и ты спокойно меня выслушаешь! Хорошо?

Конечно же, я кивнула. А что мне еще оставалось делать? Но едва его ладонь убралась

ото рта, с шумом набрала полные легкие воздуха, чтобы закричать.

— НЕТ! — Ладонь опять легла, затыкая меня. — Не заставляй тебя связывать.

Видимо, на моем лице отразился истинный испуг, иначе как объяснить то, что Деймон сам мертвецки побледнел, испугавшись за мое душевное равновесие.

— Торани, я знаю, что ты суккуб. Догадался об этом еще на первом курсе, когда изучал историю Страны. И поверь, если бы хотел тебя сдать, в тот же момент подал бы сигнал святым отцам, где тебя искать. Но я молчал. Буду молчать и сейчас. У меня нет цели испортить тебе жизнь.

Я замерла, прислушиваясь к его словам.

— И я не маньяк-преследователь, как ты могла подумать. Да, я тебя искал как минимум для того, чтобы сказать спасибо.

Поняв, что я прекратила брыкаться и наконец начала внимать его речи, он полностью убрал руку от моего лица.

— А весь этот психопатичный шепот на ухо? А расстегивание крючка? — недоверчиво спросила я, подозрительно прищурившись. — Интимные прижимания, томное дыхание?

— Тори, а ты точно принимаешь капельки? — Он передразнил мое прищуривание. — Из-за собственных нервов тебе чудится не пойми что. Я просто помог тебе расстегнуть застёжку. Что же касается шепота... ты бы хотела, чтобы я орал о нашем знакомстве на весь кабинет?

Я замотала головой.

— То-то же. — Его голос был полон укоризны.

— Стоило ли держать меня, если все именно так, как ты говоришь?

Сейчас он походил на уставшего отца, битый час объясняющего своей глупышке дочери элементарные вещи.

— Ты себя со стороны-то видела? Не удержи я тебя, Торани, ты могла натворить глупостей.

Я вдруг действительно осознала, что повела себя как истинная психопатка. Схватила хирургический ланцет, размахивала им, орать пыталась.

А что, если кто-то за пределами кабинета слышал мои вопли?

Немой вопрос отразился на моем испуганном лице.

— На твое же счастье, — ответил доктор, — ничего криминального ты не выкрикивала. Даже если кто-то и слышал, расскажешь, что я был чересчур груб на осмотре. В качестве оправдания подойдет. — Он окончательно ослабил хватку и отошел от моего стула подальше. — К слову, про осмотр. Я напишу в карточке, что ты здорова. На следующей неделе поступим так же, главное, зайди. Хотя бы для вида.

Я неуверенно кивнула.

Первый шок уже проходил, сменяясь размышлениями холодного разума.

Похоже, мне впервые за долгие годы по-настоящему повезло. Судьба подкинула если не друга, то хотя бы товарища из давнего прошлого.

Уже стоя у дверей кабинета и готовясь уйти, я обернулась и неожиданно для себя спросила:

— Дей, а откуда ты знаешь о боли? Кто тебе рассказал?

Он скривился, словно вспомнил о чем-то ужасно неприятном.

— В отличие от девушек, парни подписывали контракт перед тем, как покинуть Дом. Свой я нарушил примерно через два года, когда пытался сбежать к матери.

— И как?

В ответ прозвучало единственное слово:

— Невыносимо.

В этот момент я поняла доктора Стоуна немного лучше.

Мечта о свободе пятнадцатилетнего подростка так никуда и не делась. Деймон добился почти всего из грез десятилетней давности. Красивый, образованный, успешный у женщин, но... такой же запертый в клетке нерушимого контракта, как и я.

Интересно, какова его цена в золотом эквиваленте?

Едва я оказалась в гостиной, тут же столкнулась с любопытствующими взглядами ожидающих там дам.

Ирма и Марьяди задумчиво проводили меня взглядом, а едва я развернулась к ним спиной, тихонько захихикали:

— Что смешного? — резко обернувшись, вкрадчиво поинтересовалась я.

— Ну, вы бы хоть... хах, — Ирма, игриво прикрывая рот ладошкой, едва удерживала смех, — пуговичку на тебе до конца застегнули.

Я запоздало вспомнила, что дурацкий крючок так и остался сломанным на платье, придавая мне неряшливый вид и рождая нездоровые ассоциации.

— Ничего не было, — попыталась оправдаться я, только еще хуже сделала.

— Да ладно тебе, — махнула рукой в мою сторону Марьяди. — Сначала грохот в кабинете стоял, потом ты то ли стонала, то ли мычала. Признавайся, он хорош?

Я закатила глаза к потолку, хотелось гневно топтать ногами и выть. Вот, значит, как оно все со стороны выглядело. Далеко не как болезненный осмотр, а намного пикантнее.

Я бы, наверное, и дальше продолжила оправдываться, если бы вовремя не вспомнила, кто я есть.

Шлюха.

— Ну, переспали, и что? — как можно равнодушнее пожала плечами я.

— Как что? Так хорош?

— На крепкую троечку, — мстительно буркнула я. — Был грубоват.

Вот так ему, моя небольшая месть за истрепанные нервы. Мог бы и не ломать комедию целую неделю, а объяснить все, когда капельки заносил. Вот ему за это моя скромная «благодарность».

Я вышла на улицу, вдохнула свежий воздух, впереди была ночь и новый клиент.

Богатый гость ушел около часа назад. Побольше бы таких, даже не извращенец. Все исключительно стандартно и словно по учебникам. Я, правда, слишком поздно поняла причину столь обыденной страсти.

В жизни клиент был мужем очень богатой, некрасивой и авторитарной женщины. Это она распорядилась фактически всеми финансами семьи, вытирала о беднягу ноги и даже в постели заставляла чувствовать себя ничтожеством.

Он же в своих мечтах хотел немного ласки от симпатичной женщины.

Его мне стало настолько жаль, что с утра я заботливо предложила ему чай с тостами. Мужчина рассыпался в благодарностях и на прощание даже долго лобызал ручку.

Почти милый, я бы сказала.

Интересно, сколько он копил карманные деньги, чтобы оплатить мои услуги. Мог бы выбрать кого-нибудь подешевле.

Ирма или Зои справились бы без особого напряжения.

Я еще немного подумала о странных превратностях судьбы, которая сводит нормальных мужчин с отъявленными мегерами и, наоборот, набожных скромниц с активными самцами, жаждущими пылкой любви.

Все же Аластар в своем снобизме был в чем-то прав.

Счастливый человек, довольный всем, сюда не придет. В Дом тетушки Марджери всех приводят обстоятельства.

Я торопливо позавтракала, заглатывая горячую глазунью чересчур большими кусками, и принялась собираться в город.

Моя гостиная по-прежнему пустовала без ковра, да и гардероб требовал обновления.

Быть может, я бы смогла пережить голый пол в зале, но приближалась осень, а за ней и зима. Это означало, что в доме опять будет холодно и придется ежедневно растапливать камин. Ковер же, кроме красоты эстетической нес пользу практическую. На нем ноги не так мерзли.

Выйдя из Квартала, первым делом я направилась в мастерскую леди Британи — один из немногих салонов в городе, где белье и платья самого скромного кроя могли ужиться на полках рядом с полупрозрачным, развратным и очень неприличным нарядом.

Магазин располагался в тихом переулке между двумя центральными проспектами столицы, дышалось здесь легко и удивительно спокойно.

Я потянула за входную ручку, и дверь приветливо распахнулась, незатейливый механизм забренчал десятком колокольчиков, уведомляя хозяйку о посетительнице.

Леди Британи, полноватая дама лет сорока с добродушной улыбкой, обнаружилась в дальнем конце лавки. Там за огромной ширмой она снимала мерки у какой-то аристократочки, которая пришла сюда в одиночку, явно стесняясь кому-либо рассказать, что собиралась купить наряд в магазине, где отоваривались куртизанки.

— Побыстрее можно? — визгливо подгоняла она хозяйку лавки, пока та замеряла параметры клиентки. — Не видно разве, я спешу!

Меня посетительница из-за ширмы пока не видела, так же, как и я ее. Но это не помешало мне усмехнуться глупости ситуации. Как же, спешит она. Ну-ну.

Ведь наверняка за ширмой стоит леди в одной сорочке, иначе точные мерки с фигуры не снять. А значит, едва Британи закончит, заносчивой особе придется попотеть, чтобы обратно надеть на себя: нижние юбки, льняную сорочку под корсет, сам корсет, возможно, вторые нижние юбки и только потом платье.

Как есть капуста, зато приличная и аристократичная.

В этот момент я впервые призналась себе, что даже в моей работе есть некие плюсы, например, отсутствие подобных правил и условностей. И белье, и платья у меня намного удобнее.

Наконец возня за ширмой закончилась, и оттуда вышла хозяйка салона. Вид у нее был уставший, однако, заметив меня, она неувовимо обрадовалась.

— Сейчас, Тори, — одними губами прошептала она и вернулась обратно за ширму.

Леди Британи прекрасно знала в лицо всех куртизанок из Квартала. Мы часто оставляли у нее сотни золотых в плату за обновки, поэтому неудивительно, что за долгие годы

сотрудничества отношения невольно сложились почти доверительные.

Возня за ширмой продолжилась, на этот раз уже с процессом одевания заносчивой мадам.

Через десять минут я лицемерла «виновницу торжества».

Милейшая белокурая особа с ангельскими голубыми глазами и фарфоровым личиком легко выпорхнула на свет божий, словно голубь, принесший ветвь оливы в ковчег Ноя.

Я невольно поразились контрасту того образа, который уже успела представить в голове, и реальностью. А еще удивилась. Аристократка оказалась блондинкой, что в этих краях редкость.

— Платье должно быть готово через неделю. — «Ангелок» звякнула о прилавок тугим кошельком. — Это аванс, когда выполните заказ, заплачу втрое больше.

У меня невольно округлились глаза. И хотя я делала вид, будто рассматриваю панталоны в дальнем углу лавки, не сдержалась и привстала, чтобы хотя бы взглядом оценить размер оплаты. Теперь мне стало понятно, отчего Британи так долго и терпеливо возилась с этой дамочкой.

— Все будет сделано в лучшем виде, — пообещала хозяйка.

— И как у них. — «Ангелочек» брезгливо скривилась. — Это главное требование.

Британи согласно закивала.

Я же теперь ломала голову, кто такие эти загадочные «у них». Догадка была одна, но мне в нее что-то и не верилось. Слишком приличной показалась мне барышня.

А едва дверь за аристократкой захлопнулась, я не выдержала и полезла к хозяйке лавки с расспросами.

— А это кто?

Женщина на мгновение засомневалась, говорить или нет, но все же неохотно призналась:

— Не знаю имени, но пришла вся такая важная, заявила, что ей необходим наряд по крою, как у дам из Квартала. Видимо, решила соблазнить кого-то.

— Даже так? — Что ж, «ангелочек» удивила меня повторно. Видимо, очень хотелось дамочке охмурить кого-то, раз даже, пересиливая брезгливость, решила примерить наши платья.

К слову, некоторые из них внешне ничем и не отличались от нарядов обычных горожанок. Вся разница заключалась лишь в том, что одежда куртизанок была создана для того, чтобы мужчина мог ее легко и быстро снять. Нижние юбки сразу пришивались к верхним, так же как и корсет не требовал для своей носки поддевания кучи сорочек.

Зато наши наряды изобиловали десятками секретных завязочек, шнурочков, кокетливых кружавчиков, потайных крючков. Они нравились мужчинам гораздо больше, чем панталоны размером с парус и толстые чулки на резинках.

— А ты зачем пришла, Тори? — Хозяйка поспешила вернуть разговор в деловое русло.

— Прикупить что-нибудь, — честно призналась я, выбрасывая из головы непонятную мне аристократку.

Через час я вышла из магазинчика с полными пакетами нового белья. Также я прикупила несколько платьев, но их леди Британи пообещала доставить в Квартал курьером.

Теперь дело оставалось лишь за ковром. Я двинулась прямо по переулку и вышла на центральный проспект.

Здесь располагались самые крупные магазины Столицы. Богатые бутики, модные дома,

солидные фирмы. Арендная плата здесь была настолько баснословной, что позволить себе торговую площадку тут могли только самые известные бренды.

Разумеется, ковер на проспекте я покупать не собиралась, но, чтобы дойти до ткацкой лавки, мне нужно было преодолеть почти всю улицу до конца, поэтому я не спеша гуляла, дышала воздухом и разглядывала разноцветные витрины.

Многочисленные кафешки и манекены в модном шмотье меня совершенно не интересовали, я проходила мимо ювелирных лотков, книжных магазинов, цветочных павильонов, пока незаметно для себя не остановилась у одной из витрин.

Огромное стекло в два человеческих роста разделяло меня и просторную залу, посреди которой стоял автомобиль.

Последняя модель гоночной машины притягательно поблескивала черным корпусом и хромированными вставками. Красивая.

Я про нее читала в вышедшем месяц назад журнале. Изобретатель конструкции, имя которого почему-то держали в секрете, рассказывал о некоторых нюансах машиностроения, а также об инновационной технологии цилиндров, использованной в двигателе.

Я вдруг очень захотела взглянуть поближе на современное чудо и не задумываясь зашла в салон.

Молодой консультант как раз рассказывал состоятельной паре о новом автомобиле, поэтому я незаметно подошла, чтобы послушать. По мне молодой человек скользнул незаинтересованным взглядом, здраво оценив финансовые возможности и решив, что я обычная уличная зевака.

— Этот автомобиль не просто статусная вещь, это уникальный механизм. Таких выпущено всего пять моделей, что делает эту «крошку» особенной. Вы только взгляните на строение этой «малышки»! В ее конструкции вы не увидите цепей, движущих колеса, они скрыты за ободами под корпусом машины.

Я гневно задышала, услышав подобную оплошность. Какие еще цепи? В этом авто нет цепей? Этот консультант вообще знает, о чем рассказывает?

— А в машине по-прежнему пять педалей? — спросил важный мужчина, заглядывая в салон.

— Ну что вы, — почти ласково проворковал продавец. — Их теперь три. А две старые заменены вот этой ручкой. — Он указал куда-то вглубь автомобиля. — Она называется форсункой.

И здесь я все же не выдержала. Где вообще взяли этого безмозглого типа?

— Это, — я гневно одернула молодого человека, и сама указала на «форсунку», — рычаг коробки передач.

— Милочка, вы кто? — Продавец смерил меня очередным надменным взглядом, чем вызвал нездоровое желание больно ткнуть его носом в инструкцию к этому автомобилю.

— Не важно, кто я. А вы безграмотный неуч. Вы вообще изучаете информацию о своих товарах или предпочитаете людям лапшу на уши вешать?

На мгновение продавец оторопел, а вот мужчина-покупатель с женой заинтересовались.

— А он рассказал нам что-то неверное?

— Да он вам все неверно рассказал, — вспыхнула я и без зазрения совести, опустив пакеты с бельем на пол, потянулась к капоту автомобиля. Нащупала там секретную кнопку и раскрыла крышку перед покупателями. — Вот, полюбуйте! Никаких цепей нет. — Я театрально провела рукой над внутренностями машины. — А есть первый в мире поршневого

двигатель!

За моей спиной пыхтел обиженный консультант.

— Да как вы смеете вообще трогать этот автомобиль? — возмущался он. — Вы представляете, сколько он стоит?

На что я, гневно зыркнув, без зазрения совести огрызнулась в тон:

— Смею! Так же как вы смеете вводить покупателей в заблуждение.

— Мисс, покиньте помещение.

— И не подумайте, я такой же посетитель салона, как и эти люди.

Парочка недоуменно переглянулась. В мой спор с продавцом они вмешиваться явно не собирались, а вот покинуть магазин поспешили.

— Вы распугиваете наших клиентов своим хабальским поведением! — Консультант сорвался на повышенные тона. — Я буду вынужден позвать охрану.

— Это вы их распугиваете своим невежеством! — вздернув нос, бросила я. — Я и сама уйду. Мне очень жаль, что продвижением столь уникальных автомобилей в Панеме занимаются столь безграмотные люди.

В пылу перепалки, покидая салон, я едва не забыла пакеты с покупками. Пришлось круто развернуться и, громко стуча каблучками о мраморный пол, забирать свою ношу. За моим шествием консультантишка наблюдал с выражением абсолютной победы на лице ровно до того момента, как за моей спиной не раздались медленные аплодисменты.

Хлопки эхом отдавались по огромному залу, а выражение лица консультанта становилось все более испуганным.

— Мистер Фокс, — любезнейше залепетал он кому-то за моей спиной: — мисс уже уходит.

— Нет, Фицджеральд, — ровно ответил загадочный незнакомец, — уйдешь, пожалуй, ты, а мисс останется. Хотя нет, постой, вначале ты принесешь ей извинения за собственную неграмотность и благодарность за полученный урок о технических характеристиках данного автомобиля.

Я медленно выпрямилась с пакетами наперевес. Не зря я в салон зашла, ох не зря. Уж не тот ли это рискованный меценат Фокс, о котором мне говорили академики?

Нашкодивший продавец кинулся рассыпаться в извинениях, но я его не особо слушала. Мозг просчитывал варианты, как бы эффективнее повернуться лицом к господину Фоксу, чтобы произвести неизгладимое впечатление.

Я в принципе догадывалась, что наверняка он сидел где-нибудь в своем кабинете, когда я подняла шум, споря с консультантом. Неудивительно, что любопытствующий мужчина мог выйти и заинтересоваться разбирающейся в технике девушкой.

Я немного опустила голову, чтобы полы шляпки кокетливо прикрывали глаза, и медленно повернулась.

— Простите, — очень виновато пробормотала я, не спеша поднимать взор. — Из-за меня ваш салон покинули два потенциальных клиента.

Его начищенные ботинки блестели не хуже корпуса стоящего рядом автомобиля. Поднимая взгляд, я отметила для себя отличную фигуру и отменный вкус в одежде богатого мецената. Серый костюм с черным жилетом и белоснежной рубашкой отлично сочетались, придавая образу богача изысканный лоск.

— Позвольте представиться. Мисс Торани Фелз. — Я окончательно подняла голову и приготовилась встретиться взглядом с будущим спонсором моего проекта.

В следующий миг произошло непредвиденное.

— Вы-ы-ы, — почти хором взревели мы, и оба отшатнулись друг от друга словно ужаленные.

Напротив меня стоял Аластар. Дурацкий сноб, о котором я почти забыла и не собиралась больше никогда вспоминать.

Вмиг смекнувший, что дело нечисто, консультант робко напомнил о своем существовании:

— Господин Фокс, я могу идти?

— Сгинь! — рявкнул на него владелец салона.

Крик эхом пронесся по залу.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — пробормотала я, мгновенно понимая и осознавая, что в сложившейся ситуации мне от сноба, будь он трижды самым добрым меценатом, спонсорства ждать не придется.

Я уже приготовилась ускользнуть из салона, как рука Аластара сомкнулась на запястье железной хваткой.

— Стоять! — прорычали мне и потащили прочь из зала, к служебным помещениям, туда, где наверняка находился его кабинет.

— Нет уж! Я лучше все же пойду. — Я уперлась ногами в пол, но Аластар одарил меня ТАКИМ взглядом, что я начала опасаться за собственную жизнь. — Я кричать буду!

— Только попробуй. — Он затолкал меня в одну из дверей.

— Если вы со мной что-нибудь сделаете, меня начнут искать. Найдутся свидетели!

Я судорожно вспоминала пожилую парочку покупателей. Интересно, если что, они смогут опознать в пропавшей без вести куртизанке милую барышню из магазина?

На консультанта у меня точно надежды не было, он и Аластара боялся, и меня ненавидел.

— Да не собираюсь я тебя убивать. — Он фактически швырнул меня на огромный кожаный диван, а сам направился к столу у окна, где уселся в широкое рабочее кресло.

Я наконец убедилась, что действительно оказалась у него в кабинете. Стало немного спокойнее, хотя диван по-прежнему пугал. Если вдруг меня решат убить или изнасиловать, с кожаной поверхности мебели очень легко смоятся все улики.

— Итак, как ты меня вычислила? — зло бросил мужчина, нервно поигрывая по столешнице пальцами. — Или подсказал кто, где меня искать?

— Да не искала я вас, — сдавленно буркнула я, осматривая свои запястья. Вскоре наверняка появятся синяки. — Я абсолютно случайно шла мимо вашего магазина и решила зайти.

— Неужели? — Аластар ни на мгновение мне не поверил. — И про машину тоже не учили заранее?! Я поражен вашим актерским талантом. Там, в зале, я действительно поверил, что есть женщины, разбирающиеся в технике.

Вот это было обидно, мои губы невольно сжались в узкую полоску неприязни к заносчивому типу.

— Я действительно разбираюсь, — сквозь зубы прошипела я. — Но вы мне ни на йоту не поверите, даже если я на ваших глазах соберу и разберу этот дурацкий поршневой двигатель.

— Не поверю, — покачал он головой. — Не соберете.

Ну да, навряд ли соберу, но это не мешало мне отпускать саркастичные замечания.

Мужчина встал с кресла и подошел к стене, увешанной рамками с многочисленными фото, сдвинул одну из них, обнажая запертый сейф.

В удивлении я вскинула брови.

— Что вы собираетесь сделать? — испуганно спросила я, не узнав собственный голос от волнения.

Живое воображение представило, как сейчас Аластар достанет револьвер и пристрелит меня прямо здесь. Нужно было срочно уносить отсюда ноги.

— Собираюсь дать вам денег, — неохотно ответил он. — Вы же за этим сюда пришли? Шантажировать меня тем, что между нами произошло?

Мне показалось, я ослышалась. Он мне хочет дать денег, чтобы избежать шантажа? Серьезно? Не верю!

— Да кому вы нужны, господин сноб! — выпалила я, вскакивая с дивана и не дожидаясь, пока он откроет сейф и достанет оттуда или деньги, или револьвер. — Не утруждайтесь. Я больше близко к вашему магазину не подойду, а от фамилии Фокс меня теперь будет тошнить до конца жизни.

Я подхватила пакеты с дивана и пулей выскочила в коридор. Оттуда в залу и на улицу.

Слава богам, в которых я не верила, но за мной никто не погнался.

Поймав на проспекте первого же возницу, буркнула короткое приказание:

— В Квартал! И побыстрее!

Я надвинула шляпу на глаза, скрывая лицо, и забилась поглубже в салон экипажа.

В этот момент мне была безразлична та реакция, которую могли произвести мои слова на Аластара. Ну, или как его зовут по-настоящему. Мне были даже не интересны те деньги, который он мог мне дать. Я не верила в такие подарки судьбы, поэтому старалась заранее их избежать. Хотелось оказаться подальше, в безопасности Квартала.

Черт с ним, с ковром. До зимы еще полно времени. Сейчас я хотела домой, в родное кресло, к аромату табака и вишни.

И все же зря я не купила ковер.

На следующий день после столкновения с Аластаром на улице резко похолодало. Лето легко сдало свои позиции осени. Небо затянулось тучами, листва пожухла, а ночью случились первые заморозки.

Не типичная погода для столичного климата заставила горожан достать теплые вещи из чуланов почти на месяц раньше обычного, затопить камины и греться вечерами пряным глинтвейном в уюте семейных очагов.

А вот я оказалась не готова.

И в одно прекрасное утро проснулась с ломящей головной болью, хрипящим горлом, заложенным носом и температурой.

Кое-как приведя себя в надлежащий вид, сумела проводить клиента.

Мужчина смотрел на меня с сомнением, выглядела я не очень соблазнительно, хотя образы, увиденные им ночью, явно объяснили с утра реальность.

— Простите, простыла, — только и смогла прохрипеть я осипшим голосом.

Барон Дорэти кивнул и даже посочувствовал, оставив на столе дополнительную сотню

монет, видимо, списав мою болезнь на его вчерашнее буйство:

— Это вам на лекарства.

С его стороны жест был бы крайне милым, если б не те фантазии, которые мне пришлось сначала затирать из его памяти, а потом создавать новые, относительно безобидные.

Ночью он меня убил. Жестоко. Кроваво. Глумясь.

И таких клиентов я опасалась больше всего.

Очень многих мужчин возбуждало насилие. Многие любили, когда девушки им сопротивлялись, но в итоге сдавались.

Барону Дорэти нравилось убивать! От этого процесса он получал удовольствие гораздо сильнее оргазма, и меня в этом кошмаре радовало лишь то, что свои истинные мечты мужчина пока не до конца осознавал. Хотя с порога заявил, что нежен со мною не будет.

Мечты мечтами, и пусть этой ночью у него все сбылось, но в реальности я б не хотела, чтобы в городе появился очередной маньяк.

По итогу, наутро в голове барона цвели сладострастные мысли лишь о чересчур грубом сексе. Очень грубом. С побоями, выворачиванием рук, моими слезами и размазанной алой помаде на его возбужденном члене.

Таких, как он, я бы запирала в больницах для буйнопомешанных в упреждение возможных преступлений. Однако десятки таких «убийц» по-прежнему бродили по улицам Столицы, я же могла только молчать и хранить тайну об их странных наклонностях. А иначе как бы я объяснила магам-следователям, откуда у меня появилась подобная информация?!

Едва барон Дорэти покинул дом, я почувствовала себя хуже.

Температура явно усиливалась.

Я бросилась в чулан в поисках аптечки и хоть каких-нибудь лекарств, но найденное жаропонижающее принесло лишь кратковременное облегчение. Мне явно было необходимо попасть к врачу. Но к Деймону я идти не собиралась. Даже несмотря на наше, казалось бы, давнишнее знакомство, на его счет у меня по-прежнему имелись сомнения. Поэтому, едва сдам ночную выручку Марджери, я собиралась отправиться в город к частному лекарю.

Я дождалась, пока Квартал окончательно проснется, оделась потеплее и направилась к старой карге.

Владелица борделя, как и всегда, встретила меня привычным чаем.

И зачем только заваривает? Я ведь сотню раз говорила, что не пью. А меж тем Марджери каждой девушке всегда ставила чистый прибор и наливала свежезаваренный напиток.

— Торани, ты неважно выглядишь. — Карга скользнула по мне цепким взглядом и вернулась к пересчитыванию звонких монет.

— Ничего страшного, — проскрежетала я голосом, ничуть не уступающим сиплостью древней старухе.

Марджери отвлеклась от денег и, встав со своего удобного кресла, доковыляла до меня, приложила ко лбу сухую руку и неодобрительно поцокала языком:

— Деточка, да ты горишь! Была у врача? — На мгновение мне показалось, что в ее голосе мелькнуло подобие заботы.

— Нет. — Я покачала головой и тут же забилась в приступе сильного кашля.

— Так дело не пойдет. — Марджери вернулась на свое место и, дотянувшись до колокольчика, позвала дворецкого: — Рича-а-ард!

Быстро явившийся мужчина, едва заглянул в кабинет, был тут же из него послан на задание:

— Доктора Стоуна сюда, с медицинским чемоданчиком! Срочно!

Дворецкий кивнул и покинул комнату.

— Не стоит, — попыталась отговорить я старуху. — Я обещаю, что сама зайду к врачу!

Уточнять, что к любому, но только не к Стоуну, не решилась.

— Ты слишком ценная птичка, чтобы я позволила тебе умереть. — Похоже, Марджери мне либо не доверяла, либо решила во всем убедиться сама. — Да и долг у тебя не отработан, так что будь добра, посиди спокойно!

Я хрипло вздохнула.

И как я могла перепутать жадность старухи с заботой? Никак виной всему температура и головная боль. Мне даже думалось с трудом.

Через десять минут в кабинет вернулся Ричард с Деймоном.

Стоуну хватило короткого взгляда на меня, чтобы понять, зачем его позвала Марджери.

— Осматривать тут? — коротко спросил он у старухи. — Или можно отвезти ее ко мне в кабинет?

— Как хочешь. — Старуха вновь вернулась к пересчитыванию денег. Отвечала она теперь, не поднимая голову от бухгалтерской книги с записями. — Но диагноз я хочу знать как можно быстрее.

— Тогда здесь, — произнес Стоун и поставил медицинский чемоданчик прямо на стол владелицы борделя.

Я невольно усмеялась его столь тонкому способу хамства и в очередной раз удивилась, почему старуха спустила ему это с рук.

— Торани, открой рот, — без лишних предисловий потребовал Дей, а взглянув на воспаленные гланды, недовольно поджал губы.

Прослушивание моих легких, как и измерение температуры, радости также не принесли.

— Воспаление легких, — прозвучал суровый вердикт.

— И? — Старуха опять отвлеклась от записей. — Лечи ее.

— Требую для пациентки постельного режима на пять дней, — каменным голосом произнес Дей и, прежде чем хозяйка успела возразить, дополнил: — Но можете оставить ее работать дальше, и тогда я не гарантирую, что она не получит осложнения и доживет хотя бы до конца недели.

От его тона даже я испугалась. Перспектива умереть от кашля и насморка мне абсолютно не улыбалась, так же, как и Марджери потерять свою «золотоносную девочку».

— У тебя три дня, — бросила она, словно подачку. — И чтобы на четвертый девчонка уже работала.

Я едва сдержалась, чтобы не скорчить старухе мерзкую рожу. Гадина! И почему эту заразу смерть не берет, словно обходит стороной? Или забыла проклятая тетка с косой, что где-то на свете живет такая же мерзкая, как и она сама, — карга Марджери.

— Пошли, — подхватил меня под локоть Деймон и помог встать со стула, пока тетушка не передумала. А едва мы оказались в коридоре, тихо шепнул на ухо: — Старуха тебя почти любит. Ты первая, для кого мне удалось выбить «больничный».

— Глупости. — Голос окончательно пропал, из-за чего мой сип стал даже тише обычного шепота. — Просто ей неохота терять стабильный заработок, который я приношу.

Да она ко всем девчонкам относится как к товару.

— Дурочки, — все так же тихо ответил Дей. — Она относится к вам так, чтобы вы видели ее силу. Едва она покажет слабость, ее место займет другой хозяин. Знаешь, Марджери не самый ужасный вариант в качестве хозяйки борделя.

— Не верю, — заупрямилась я. — Неужели кто-то может быть хуже?

— Может. Поверь. У нее есть очень гадкие наследники, — загадочно произнес мужчина, замолчав на минуту, пока мы выходили на улицу мимо Ричарда. — А по поводу отношения к вам... Раскрою секрет. Старуха пьет дорогуший молодящий эликсир, спускает на него бешеные деньги и каждое утро добавляет несколько ложек в чайную заварку. Угадай, с кем она делится ценным напитком?

Я вспомнила бесящие меня уже три года чайные церемонии и ежедневную кружку душистого напитка.

— Быть не может, — не поверила я. — Зачем ей это? Чтобы продлить нам молодость и мы у нее работали дольше?

— Не знаю. — На улице Дей разговаривал гораздо громче. — Но, если бы я тратил на снадобье столько денег, я бы им не делился. — На этом он сделал паузу, останавливаясь на середине улицы. — Сейчас мы зайдем к тебе, ты возьмешь вещи на три дня, а после отправишься со мной.

Я не сразу поняла, что именно он имеет в виду. Больная голова отказывалась думать и начала раскалываться еще сильнее.

— Куда с тобой?

— В мой дом. В одной из комнат я устроил стационар на несколько коек, а тебе необходимо полноценное лечение и постоянное наблюдение.

Я выдернула у него свою руку. Переезжать к нему, пусть даже и на несколько дней, я не собиралась. Отлежаться я и дома могла, так же как и принимать прописанные микстуры.

— Обещаю быть послушной пациенткой и выполню все предписания, но только мне хотелось бы остаться у себя, — заупрямилась я, но очередной приступ кашля заставил согнуться и едва ли не выплюнуть легкие.

— Я уже вижу, как ты готова выполнять предписания, с ходу отказываясь от полноценного лечения. — Голос Стоуна стал суров, потеряв дружеские нотки и перейдя на профессиональный тон.

Пока я пыталась откашляться, Деймон бережно придерживал меня. Дышать становилось тяжелее, а в голове шумело. Когда же попыталась выпрямиться, перед глазами заплясали мотыльки. Ноги предательски подкосились в коленях.

— Нет, домой мы к тебе точно не пойдём, обойдешься без вещей, — сквозь пелену наплывающего забытья услышала я обеспокоенный голос доктора. — Срочно на лечение.

В следующий миг мои глаза закрылись и я потеряла сознание.

Запах нашатыря резко привел меня в чувство. Судорожно вдохнув чистый воздух, я зашлась в новом приступе кашля.

— Пей. — Ко рту поднесли теплую микстуру, дурно пахнущую мятой и эвкалиптом.

Сухими губами коснулась чашки и с жадностью осушила ее до дна. Терпкое лекарство

оказалось не таким уж противным, как мне представлялось вначале. Я огляделась по сторонам, чтобы понять, где нахожусь, и сразу узнала гостиную в доме доктора. Он положил меня на диван, где обычно ждали посетительницы, заботливо укрыл теплым пледом и обложил подушками.

— Тебе сразу нужно было идти ко мне, — укорил меня он. — Подождала бы Марджери своих денег. Здоровье важнее.

Я скривилась. Тоже мне проповедник правильного поведения нашелся.

— Я домой хочу, — капризно заявила я, скидывая с себя плед. — Мне уже лучше!

Бровь Деймона скептически выгнулась дугой.

— Иди, раз лучше, — насмешливо произнес он тоном, подразумевающим подвох.

Я действительно чувствовала себя хорошо. Голова прошла, тело так не ломило, как с утра.

Я свесила ножки с дивана и попыталась встать, но мышцы отказались меня слушаться. Их тут же свело слабостью, и я рухнула обратно в теплые объятия диванных подушек.

— Эй! — возмутилась я столь предательскому поведению собственного организма.

— Мятный расслабляющий напиток, — пояснил Дей с полуулыбкой на губах. — Я подозревал, что ты начнешь играть в гордость и делать глупости, поэтому предпринял превентивные меры, чтобы не сбежала.

Вот сволочь!

Я и сама не понимала, отчего злюсь на него. Головой осознавала правоту Дея, гордость же бесилась от того, что Стоун решил все за меня.

— Можешь обижаться, — сурово ответил мужчина. — Но я прежде всего врач и не позволю тебе подвергать себя ненужным рискам.

Я поджала губы. Дей прав, я как дурочка упрямо играю гордячку. Что поделать, если я не привыкла принимать чью-то настойчивую помощь и в любой ситуации ищу второе дно? Даже сейчас от Деймона после всего узнанного я ждала если не подлянки, то подвоха.

— Тогда пошли ко мне домой, мне нужно забрать некоторые вещи, — со вздохом сдалась я, не видя иного выхода.

— Нет. — Эскулап покачал головой. — Ты уже доходилась. Напишешь список, и я сам загляну к тебе и соберу все необходимое.

После долгих препираний пришлось и с этим согласиться.

— А теперь в кровать. — Он без спросу подхватил меня на руки и понес к лестнице на второй этаж.

От неожиданности я сперва испугалась, но, продолжая сдаваться на милость лекаря, обвила руками за шею, чтобы, не приведи случай, не упасть.

Лазарет оказался переделанной спальней. У большинства девушек здесь находилась огромная двуспальная кровать — рабочий полигон, так сказать, хотя некоторые предпочитали, как и я, не пускать клиентов дальше гостиной. У доктора тут огромного ложа не обнаружилось, зато стояли четыре одноместные койки.

Меня опустили на ближайшую из них.

— Я принесу из твоего дома несколько сорочек, переоденешься. Пока же можешь полежать в платье.

У меня на лице невольно расцвела пошловатая ухмылка.

— Пойдешь рыться в моем белье? — игриво поинтересовалась я, скидывая туфли на пол.

Однако кокетничать дальше не вышло, очередной приступ кашля испортил весь момент.

— Если стесняешься, возьму из ящика вещи на ощупь. — В глазах доктора заплясали озорные искорки. — И тогда я не виноват, если следующие три дня ты проведешь здесь в случайно вытасненных перчатках или тонких чулках.

— А ты бы не возражал? — прощупывая почву, аккуратно поинтересовалась я.

Вместо ответа меня удостоили равнодушным пожатием плеч и рукой, приложенной ко лбу:

— Опять жар поднимается, иначе ты бы не несла подобный бред.

Мое состояние Деймону решительно не нравилось. Он оставил меня одну в комнате, чтобы вернуться через несколько минут с пузырьком лекарства в одной руке и блокнотом и ручкой в другой.

— Пиши список, — разрешил он, пока возился с микстурой.

Деймон развел несколько капель в стакане воды и заставил выпить горьковатую субстанцию. Я же написала короткую записку из пяти пунктов, в которых самым важным значились сигареты.

Дей ушел через десять минут, когда убедился, что жар вновь начал спадать. Напоследок я дала ему обещание дождаться с вещами, однако незаметно для себя уснула.

— Просыпайся, тебе необходимо поесть. — Мужской баритон над ухом разогнал остатки сна.

Я лениво приоткрыла один глаз, затем второй. Тело опять трясло в ознобе, несмотря даже на теплое одеяло, которым меня заботливо укрыли.

— Холодно, — пробормотала я и попыталась зарыться поглубже.

— Нельзя сейчас спать, милая. — Меня заботливо встряхнули и усадили полулежа на подушки. — Организму нужны силы, а для этого нужно питаться.

Пришлось окончательно проснуться. Сквозь заложенный нос немного пробился аромат свежесваренного куриного бульона, желудок лениво заурчал.

Есть хотелось, но сил даже поднять руку не было.

Я взглянула в окно и убедилась, что на улице непроглядный поздний вечер. Осенние сумерки навевали на меня еще большую тоску, чем болезнь.

Дей сидел на краю кровати с миской бульона и терпеливо ждал, пока я проснусь.

— Когда я вернусь, ты очень крепко спала, пришлось искать способы тебя переодеть.

Я мгновенно покраснелась. То ли от жара, то ли от непонятного чувства стыда. Одно дело, когда сама щеголяешь голышом перед мужчиной, а другое — когда тебя раздели и словно ребенка обрядили в ночнушку.

Беглый осмотр сего предмета гардероба принес мне немалое удивление собственно потому, что ночнушка была не моя.

— Это чье?

— Каролина купила. — Он поднес к моему рту первую ложку супа. — У тебя отвратительно мало здесь друзей. Я столкнулся с волной дикой неприязни, когда начал заходить к девочкам с просьбами помочь с подбором вещей для тебя. Или ты действительно думала, что я пойду рыться в твоих комодах?

— Ну да, — рассеянно пробормотала я. — Так, выходит, Королина была у меня дома?

Не то чтобы я не доверяла девушке, но присутствие посторонних у меня в доме напрягало. Все же вексель от Аластара под подушкой и чертежи на чердаке были моей тайной, и мне бы не хотелось, чтобы кто-то шастал по святой святых моего дома в поисках не пойми чего.

— Да, она зашла, походила по гостиной и предложила купить новых вещей по твоему списку. Сказала, что ей было бы неприятно, если бы кто-то чужой копался в ее вещах.

В этот момент я испытала к Каролине приступ благодарности. Все же мне повезло найти в ее лице товарища по несчастью. Она меня хоть немного, но понимала.

— Дей. — Я проглотила очередную ложку супа. — Ты ведь у старухи тоже на контракте? На мгновение его рука дрогнула, едва не расплескав бульон на одеяло.

— Да. — Доктору тема была неприятна.

— И сколько должен заплатить ты, чтобы выкупиться? — Я очень осторожно подобрала слова к вопросу.

При всей своей жизнерадостности и уверенности Стоун сумел добиться фактически всего, о чем мечтал. Кроме свободы и любви, которых не было в его жизни.

Так же, как и в моей.

— Нисколько. — Его голос стал ледяным. — Мой контракт будет выполнен лишь по истечении тридцати лет работы доктором здесь. Только после этого я смогу покинуть стены этого прекрасного заведения, найти работу в городе, купить собственный дом и, возможно, завести девушку, семью.

На мгновение я озадачилась, услышав подобное. Ни у одной из девочек не было запрета на отношения с мужчинами помимо рабочих, неужели Марджери подписала Стоуна на тридцатилетнее затворничество?

— Тридцать лет без секса? — недоверчиво переспросила я.

— Ты не поняла. — Последние ложки супа были уже остывшими. — Запрета нет. Но какая девушка захочет иметь отношения с мужчиной, который практически круглосуточно обязан работать в Квартале Продажных Дев, за исключением нескольких выходных в месяц?

— Оу-у, — расстроено протянула я.

Выходит, доктор был еще более привязан к этому проклятому месту, чем я. И никакие деньги ему не смогли бы помочь.

— А если нарушишь? Смерть?

Ложка громко звякнула о керамическую плошку. Деймон отставил посуду на тумбочку и серьезно посмотрел мне в глаза.

— Рабство, — выронил он единственное слово.

Невольно я чертыхнулась и тут же закашлялась в очередном приступе.

— Ты о чем думал, когда подписывал? — сквозь разрывающий болью кашель прохрипела я.

— Мне было тогда пятнадцать. Эти условия не казались кабальными.

Я закатила глаза к потолку. В моем контракте за нарушение значилась смерть. Это лучше.

Рабство — это именно та основа, на которой держались все магические контракты в нашем мире. То, чего боялись абсолютно все, и то, рядом с чем любой каторжный труд казался раем.

Рабство — это полная потеря воли. Нарушивший контракт становился безвольной

марионеткой, повинующейся выигравшей стороне контракта.

Вот почему я не боялась, что Марджери может меня обмануть и не отпустить после выплаты двух миллионов.

Иначе она станет моей куклой, а я ее хозяйкой.

Вот почему клиенты на одну ночь не кидались меня преследовать в попытке повторить развлечение. Им не улыбалась перспектива стать моими игрушками.

Вот почему Аластар был готов пожертвовать честью, но выплатить три миллиона, проиграв спор.

Вот почему смерть лучше!

За свою жизнь я видела рабов несколько раз. Хотя их часто использовали в качестве прислуг в некоторых домах. Жалкое зрелище. Овощи. Самостоятельно они могли только дышать и справлять нужду. Во всем остальном беспрекословно подчинялись хозяину. Рабы могли скончаться от обезвоживания и голода, даже если рядом стояли полная тарелка еды и стакан с водой.

Три сотни лет назад история страны знала ужасающий случай, когда супруга последнего короля хитростью заставила его подписать договор, запрещающий измену. Правитель не сумел удержать своего «друга» в шпанах и уже на следующий день оказался рабом собственной жены.

Королева управляла мужем столь искусно, что обман не могли раскрыть несколько лет. За эти годы была развязана война с соседним государством, разворованы сокровищницы, страна скатилась к жалкому существованию.

К счастью, обман открылся вовремя.

В тот год Панем перестал быть Монархией и стал Страной под руководством Великого Совета из сотни лордов. Ведь одного человека поработить можно, а сотню уже сложнее.

— Дурак, — бросила я Стоуну.

Доктора было жаль. Тридцать лет огромный срок, почти целая жизнь, чтобы потратить ее на работу здесь.

— Старуха тебе хоть платит?

Зная жадность Марджери, я бы не удивилась, скажи Дей, что он служит здесь за еду и крышу над головой.

Стоун усмехнулся:

— Платит, и неплохо. Ты же слишком демонизируешь каргу. Она не сахар, но еще раз повторю, лучше она, чем проклятая неизвестность.

— Ты что-то знаешь и не говоришь об этом, — подозрительно заметила я. — Откуда такая информация?

Тепло от горячего супа расходилось по телу, а озноб медленно проходил. Хорошее самочувствие давало возможность более внимательно поговорить с Деймоном и узнать доктора лучше.

— Я лечу не только девочек, но и саму Марджери. Умею слушать то, что она говорит.

— Про омолаживающий чай тоже она рассказала?

Стоун усмехнулся, он поправил немного сползшее с меня одеяло и пояснил:

— Нет, разумеется. Но по утрам я измеряю старухе давление, так что сам неоднократно видел, как она готовит чай.

— Даже если и так, — недовольно пробурчала я. — Все равно пить не буду, ненавижу этот напиток.

Сип в голосе уже почти прошел, хотя временами я говорила, все же срываясь на хрип. Однако это не помешало мне начать рыскать по палате взглядом в поисках перенесенных Стоуном вещей:

— А где мои сигареты?

— Ты серьезно собралась курить в больничной палате? — Доктор показался шокированным моим запросом.

— Здесь же никого нет. — Я в курении ничего ужасающего не видела. — Но, если ты против, я попрошу помочь мне встать и выйти на улицу.

— В таком случае вынужден тебя расстроить. — Его сочувствующий тон прозвучал притворно. — Твои сигареты остались дома. По ужасающему стечению обстоятельств, ни я, ни Каролина не сумели купить новых. Но не переживай. — Театральным движением он извлек из кармана небольшую коробочку. — Я нашел прекрасную замену табаку — мятные леденцы. Очень полезны для горла!

Знал бы он, куда мне сейчас хотелось запихнуть ему эти леденцы. Сдержать свои эмоции стоило огромного труда.

Собственно, это было предсказуемо. Стоун практически на второй день нашего знакомства громко заявил о своем истинном отношении к курению.

— Не злись, — примирительно произнес докторишка, которого я сейчас была готова растерзать. — Тебе не идет!

— Мне болеть не идет, — огрызнулась я.

Даже представить страшно, как я сейчас могу выглядеть. Красный нос, потрескавшиеся губы, серый цвет лица, круги под глазами и ни грамма косметики.

— Наоборот, — возразил Дей. — Когда ты беспомощная, ты очень милая.

Я посмотрела на него с сомнением. Серьезно, что ли? Не верю.

— Пожалуй, спишу эту глупость на приободряющий комплимент пациентке, — сухо ответила я. За отсутствие сигарет я была зла на доктора настолько, что даже его попытка меня отвлечь провалилась. Разговаривать больше не хотелось. — Дей, уже поздно. Я буду спать.

И плевать, что уже выпалась за день.

Когда Стоун ушел, я еще долгое время ворочалась в темноте, слушала свист ветра на улице, считала проезжающие мимо машины по шуму колес.

Временами заходила в кашле, но давила приступы в подушку. Не хотела будить Деймона. Что-то подсказывало мне, спит доктор очень чутко и даже сквозь сон прислушивается к моему состоянию.

Уже перед самым рассветом мне наконец-то удалось уснуть, чтобы проснуться через несколько часов.

Стоун вошел в палату, толкая перед собой низкий столик с тарелкой овсяной каши и стаканом травяного напитка, рядом с едой находились слуховая трубка, пузырьки с лекарствами и газета.

— Как себя чувствует больная? — приветливо поинтересовался врач, на что был удостоен благородного молчания. — Обиделась за сигареты?

Пришлось кивнуть.

— Можешь продолжать дуться, но пока ты здесь, курить не будешь, — твердо сказал он и приступил к утреннему осмотру.

Я терпеливо дала послушать легкие, прощупать пульс, измерить температуру.

— Уже лучше, — прокомментировал он.

Но я ему опять не ответила.

Да, я вредная. Да, я буду дуться. И пускай он хоть миллион раз прав, но мог бы сразу сообщить, что не принесет сигарет, а не делать подобный сюрприз.

Когда он ушел, я самостоятельно съела кашу, выпила травяной настой и потянулась за газетой.

У себя дома я редко читала прессу. Моими информаторами становились клиенты из высшего света. Мужчины порой были еще большими сплетниками, чем женщины, и этот факт способствовал моей отличной осведомленности.

Газеты я покупала лишь раз в месяц — альманах с самыми важными событиями за прошедшие тридцать дней.

У доктора же был явно другой подход к получению новостей. Он прессу читал ежедневно, иначе как объяснить сегодняшний номер «Панемского вестника».

Из-за насморка я лишилась возможности вдохнуть аромат свежей печати. Жаль. Этот запах мне нравился.

Первая же новость на главной полосе заставила меня улыбнуться.

«Лорд Мартин — мужеложец!!!» — кричал заголовок, пестря восклицательными знаками.

«Сенсация! Представитель Великого Совета лорд Мартин уличен в запретной связи! Завидный жених Панемской Столицы был замечен в одном из баров Черного Города в компании нескольких мужчин запретных нравов...»

Я едва не расхохоталась — какое милое определение для куртизанок мужского пола. Черный Город же был известен как район на окраине Столицы, где обретались мужчины нестандартных наклонностей.

«Конечно, наш корреспондент предположил, что видный муж Страны находится в столь скандальном месте по делам политическим и государственно важным, однако фривольное поведение лорда рассеяло эти сомнения.

Нашим читателям остается лишь задуматься: впервые ли представитель правительства посещает столь ужасные места и не повлияют ли дурные наклонности лорда Мартина на политику Панема в частности?»

Да уж! Я отложила газету в сторону, напоследок полюбовавшись на фотографию Мартина в объятиях двух мускулистых полураздетых юношей.

Меня в этом безобразии волновало лишь два вопроса.

Первый: почему лорд столь неосмотрительно прокололся? И второй: зачем ему два мальчика?

Фантазия рисовала шальные сцены, заставляя позавидовать развратности тонкоусого лорда.

Ну кто бы мог подумать, что даже со стертыми воспоминаниями истинные наклонности Мартина так быстро дадут о себе знать?

И это было бы, наверное, весело, если б не так грустно и опасно.

Что, если это мой прокол и я где-то недоработала, и теперь сознание обманутых мужчин ищет лазейки, как обойти наложенные блоки? Что, если у таких, как барон Дорэти, слетят тонкие настройки и они пойдут убивать?

Даже думать не хотелось. Мне оставалось рассчитывать лишь на то, что лорд Мартин дошел до своих желаний собственным умом.

Больше интересных новостей в газете не нашлось.

Время тянулось в скучном разглядывании стен и потолка.

В обед ко мне на пять минут заглянула Каролина, принесла теплый суп, запеченный картофель и миндальные пирожные на десерт, сказала, что Стоун на приеме и у него сегодня аврал из-за пациентов.

Подруга поинтересовалась моим самочувствием, убедилась, что я ощущаю себя неплохо, после чего ушла.

К ужину я уже полезла на стену от скуки. Целый день в четырех стенах. О том, чтобы выйти на улицу, я даже помыслить не могла. Встав единственный раз по нужде, едва сумела дойти до ванной комнаты по стеночке, а потом так же вернулась к кровати. Устало рухнула на подушки и долго не могла отдышаться.

Сейчас я не представляла, как доктор собирается вылечить меня за оставшиеся полтора дня.

Когда Стоун вечером сам принес ужин, я была готова его простить за сигареты, лишь бы он пообщался со мной и хоть как-то скрасил одиночество.

— Как прошел прием? — поинтересовалась я.

— Ты не поверишь, — усмехнулся он, помогая мне удобнее сесть. — Кажется, в Квартале эпидемия. Все кашляют, чихают и требуют больничного. Твой пример оказался в прямом смысле заразительным.

— И почему я не удивлена? — саркастично заметила я. — Слухи по Кварталу расползаются исключительными темпами, неудивительно, что и остальным захотелось внеплановых выходных.

Я сидела на краю кровати и как цивилизованный человек, придвинув к себе тарелку, ела рис с мелкими кусочками куриной грудки.

— Очень вкусно, — отметила я, ломая голову над тем, кто же готовит Деймону.

— Спасибо, я старался.

Вот сейчас я по-настоящему удивилась. В своих предположениях я была уверена, что днем к Деймону приходила кухарка.

— А сам почему не ешь? — задала второй волнующий вопрос. По моим прикидкам, если мужчина готовил сам, то и поест наверняка не успел.

— Главное — накормить пациента, — занудно ответил он, внимательно изучая меня.

— Нет, так дело не пойдет. — Я отложила вилку в сторону. — Одна я есть отказываюсь. Неси тарелку и поужинаем как нормальные люди. Хватит строить из себя правильного доктора!

На мгновение он задумался, после чего молча вышел и вернулся уже с полной тарелкой. Ужин продолжился. Молча.

Тишину опять нарушила я.

— Дей, мое самочувствие улучшилось, но не настолько, чтобы считать меня здоровой. Поэтому у меня вопрос: как ты собираешься меня вылечить за оставшееся время?

— Есть способ, но тебе он не понравится. Вообще не понравится. — Мужчина задумчиво и словно механически пережевывал рис, глядя сквозь меня.

— Выпить какую-нибудь гадкую микстуру? — предположила с надеждой в голосе я, ибо тон доктора мне уже оптимизма не внушал.

— Тори, — вкрадчиво поинтересовался Дей. — Ты ведь понимаешь, что не просто так заболела?! Слишком быстро и сильно для обыкновенной простуды.

Признаться, у меня мелькали подобные мысли, но их я откинула прочь. Да, завистников у меня много, но не настолько, чтобы мечтать свести со свету, нанимая дорогого специалиста, способного к подобной магии.

— Намекаешь, что это кто-то постарался?!

— Констатирую. — Он оставил в покое тарелку, встал из-за столика и подошел к окну, задумчиво взгляделся вдаль и произнес: — На тебя спихнули чужую болезнь. Не знаю зачем, может, просто под руку подвернулась, может, от зависти или по иным причинам, но факт есть факт. В твоей ауре огромная энергетическая брешь!

Вот черт!

Первым делом я подумала на Аластара. С его деньгами не сложно найти мага с подобным запретным умением. Но после недолгих размышлений догадку я откинула. Фокс был человеком чести, слишком гордым. Он бы не опустил до мести подобного уровня.

Вторая догадка: Зои, которую я видела, в слезах убегающую из кабинета Стоуна. Вот она могла! Но она ведь знала, что у нас в Квартале собственный доктор, а значит, ее подлость вмиг будет раскрыта.

— Я бы подумала на одну из девчонок, если бы это не было глупостью с ее стороны. Все ведь должны понимать, что доктор твоего уровня видит ауры и вмиг узнает о корнях болезни.

— А кроме тебя и Марджери, никто о моем уровне и не знает. — Стоун одернул занавеску, чтобы комната не так сильно просматривалась с улицы. — Я не кричал во всеуслышание, что являюсь лучшим выпускником Медицинской академии.

Логично.

С его стороны это крайне предусмотрительно: зачем раскрывать всем карты, тем более козырные?

— Значит, это Зои! — решительно обвинила я стерву из соседнего домика. — Я видела ее уходящую от тебя в слезах. У нее что-то серьезное, вот и решила на меня перекинуть.

Но Стоун с моим обвинением не согласился.

— Нет, она ни при чем. И не болеет она вовсе. Плакала Зои по иным причинам.

— По каким? — Мне нужны были ответы. От недомолвок и тайн я начинала уставать.

— Врачебная тайна, — покачал головой Дей и приблизился к кровати, чтобы присесть рядом. — Просто поверь, ее проблему на тебя никак не перекинуть.

Я поджала губы.

— Допустим, — скупно бросила я, так и не поверив до конца в непричастность соседки. — И как же можно вылечить напасть, которая меня подкосила?

То, что метод будет связан с магией, я уже поняла. Врачи ею не часто пользовались, предпочитая микстуры и порошки. Кому-то не хватало талантов и умения, кому-то сил, кому-то желания. Все же лечение пациента магией требовало концентрации, огромных затрат сил и истинного желания помочь. Поэтому мне было любопытно.

— Тебе не понравится, — еще раз констатировал Деймон.

— Я переживу, — еще не зная, на что соглашаюсь, решительно заявила я. — Даже если придется потерпеть боль.

— Не придется, это не больно.

— А что тогда?

— Придется раздеться.

— Ну и что?

Тоже мне напасть. Да я ежедневно перед кем-то раздеваюсь. Перед Стоуном так уже

трижды: на осмотре, когда пыталась соблазнить дома и когда он меня переодевал.

— Мне тоже придется раздеться. — Его голос был настолько тих, что я не сумела прочесть в нем истинного отношения доктора к сказанному.

— То есть как раздеться? — Вот сейчас я возмутилась. — Это что за методы такие?

Деймон тяжело вздохнул, тщательно подбирая слова:

— Прямой обмен энергией. Я согласен поделиться с тобой собственной силой, но для этого нужен тесный физический контакт.

— Ни за что! — отчеканила я. — Никаких контактов. Мне нельзя!

Вдруг очень захотелось возненавидеть Стоуна, но отчего-то не вышло. Знает же докторишка, кто я и почему избегаю таких вот «прямых обменов энергией».

— Тори, физический контакт не обязательно подразумевает занятие сексом. Можно ограничиться массажем.

— Делай массаж в одежде, — огрызнулась я, отворачиваясь.

— Без проблем, но тогда ничего не выйдет. Любые препятствия, даже тонкая ткань, мешают потоку энергий.

Я больно закусила губу. Гадство.

— Обещай, что не изнасилуешь меня, — потребовала я, понимая, что выбора особенно нет.

Можно, конечно, поболеть, выйти послезавтра на работу и получить осложнения. Но гораздо умнее будет потерпеть массаж голого и в принципе симпатичного парня, чтобы потом найти того злодея, который обеспечил мне столь приятный больничный.

— Обещаю, — поклялся Дей. — Насиловать женщин не в моих правилах. Любые отношения, особенно в постели, должны быть исключительно добровольными.

Слабое утешение, но лучше так, чем вообще никак.

С каменным лицом я стянула через голову ночнушку, специально сделав это как можно менее эротично. Белье стащила резко и, скомкав в комок, скинула на пол. Дей за этим ужасающим подобием стриптиза наблюдал сосредоточенно, словно не на красивую девушку смотрел, а на рабочий станок, к которому необходимо подойти и сугубо по-деловому выполнить свои обязательства.

Меня такой подход устраивал.

Молча легла животом на кровать и уткнулась лицом в подушку. Мне ведь не обязательно смотреть, как он будет раздеваться. Я в своей жизни уже немало голых мужчин повидала, подумаешь, один останется загадкой.

Кровать скрипнула, прогибаясь под дополнительным весом, я напряглась.

— Расслабься, — произнес Дей.

Запах камфорного масла пробился сквозь насморк, разрешая вдохнуть полной грудью.

— Будем совмещать приятное с полезным. — Судя по насмешливой интонации доктора, ситуация все же начинала веселить его. — Растирания полезны, а массаж приятен.

Его пальцы тронули мою спину. Аромат камфоры усилился.

Едва коснувшись, Дей откинул мои волосы с плеч, обнажая шею. Нежную кожу обожгло неуютными мурашками.

Чужие пальцы мягко скользнули по чувствительной коже, обводя ключицы, и назад к плечам, втирая пахучее масло в горячее тело. Мимолетное касание за ушком невольно заставило вздрогнуть. Слишком интимной показалась подобная ласка.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Ситофилия (Sitophilia) — сексуальное влечение к еде.